72
68

Процессъ Вѣры Засуличъ.

(Судъ и послѣ суда).

2007231532

31016-43

СССР
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, В. О., 9 лин., д. 18.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Интересъ къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи проявляется не только въ кругахъ, близкихъ къ движенію, но и въ широкихъ массахъ русскихъ читателей.

До сихъ поръ удовлетвореніе его было сопряжено съ громадными трудностями. Приходилось прибѣгать къ изданіямъ Швейцаріи и Англіи, или же отправляться за поисками въ глубь русскихъ архивовъ и привилегированныхъ библіотекъ. Первый путь для многихъ былъ недоступенъ, второй, если и являлся осуществимымъ для очень небольшого круга лицъ, то давалъ во всякомъ случаѣ слишкомъ мало.

Интересъ этотъ въ настоящее время ощущается особенно сильно и интенсивность его фактъ настолько понятный, что останавливаться на объясненіи его нѣтъ необходимости.

Возсоздавая картину знаменитаго дѣла В. Засуличъ, мы старались сдѣлать ее возможно болѣе полной. Всѣ обстоятельства, связанныя съ процессомъ, мы стремились охватить въ томъ объемѣ, какъ это позволяетъ общедоступность брошюры. Единственный въ своемъ родѣ процессъ представляетъ громадный интересъ не только съ точки зрѣнія знакомства

съ первымъ актомъ террора въ Россіи, но и съ другой стороны: процессъ этотъ открываетъ передъ читателями едва ли не лучшую страницу исторіи нашего суда.

Матеріалы для настоящей книжки, руководясь указаніемъ заграничныхъ изданій, мы почерпнули изъ газетъ и журналовъ, печатавшихся, главнымъ образомъ, въ Россіи.

Г. А. Галланинъ.

Вмѣсто предисловія.

ДО СУДА.

25 января 1878 г. въ отдѣлахъ хроники С.-Петербургскихъ газетъ появилось сообщеніе, что 24 января, въ 11-мъ часу утра, въ пріемной комнатѣ градоначальника, во время подачи прошеній, одна изъ посѣтительницъ *лѣвой рукой выстрѣлила въ ген.-ад. Трепова изъ револьвера*, спрятаннаго подъ тальмой. Пуля попала въ верхнюю часть таза съ лѣвой стороны и, раздробивъ кость, проникла ниже и засѣла внутри. Присутствовавшіе схватили выстрѣлившую женщину. На допросѣ она заявила, что она — дочь поручика, домашняя учительница, Елизавета Ивановна Козлова, 23 лѣтъ отъ роду. Покушеніе свое Козлова объяснила тѣмъ, что заинтересована дѣломъ государственнаго преступника Боголюбова, наказаннаго лѣтомъ 1877 года розгами въ Домѣ предварительнаго заключенія, по распоряженію градоначальника. Генералъ-адъютантъ Треповъ, раненый, дошелъ до дивана самъ и потребовалъ докторовъ. Послѣдніе признали рану опасной.

„Вѣд. СПБ. Градоначальства“ добавляли:

„О личности виновной, очевидно скрывающей настоящее свое званіе, а равно о причинѣ, побудившей ее къ преступленію, производится судебнымъ вѣдомствомъ слѣдствіе“.

27-го января въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ сообщались новыя свѣдѣнія, о личности женщины, выстрѣлившей въ генерала Трепова.

Назвавшись Козловой, виновная скоро отреклась отъ этого имени, но отказалась назвать свое дѣйствительное имя. Адресъ, показанный ею въ прошеніи, поданномъ градоначальнику, оказался вымышленнымъ — подъ выставленнымъ номеромъ числится пустопорожнее мѣсто. Тогда начались розыски. Нѣкоторыя соображенія заставили обратиться къ Нечаевскому дѣлу, при просмотрѣ котораго обратило на себя вниманіе сходство примѣтъ Козловой съ примѣтами *Вѣры Засуличъ*, привлекавшейся по дѣлу Нечаева вмѣстѣ съ ея матерью. Послѣдняя была немедленно розыскана на Петербургской сторонѣ, и когда ей предъявили Козлову, г-жа Засуличъ сейчасъ же признала въ ней свою дочь Вѣру.

Дознаніе объ этомъ преступленіи производитъ жандармское вѣдомство, а Вѣра Засуличъ препровождена для содержанія въ III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи.

Револьверъ, изъ котораго стрѣляла Вѣра Засуличъ — шестиствольный, такъ называемый бульдогъ; всѣ шесть стволовъ были заряжены довольно большей величины пулями. Произведя выстрѣлъ, Засуличъ отошла въ сторону и не обнаружила никакого желанія скрыться. Вообще она отличалась изумительнымъ хладнокровіемъ.

Первые допросы были произведены въ домѣ градоначальника, гдѣ виновная оставалась до 5 часовъ пополудни. Въ

этотъ длинный промежутокъ времени, находясь въ отдѣльной комнатѣ, подъ стражею двухъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, Засуличъ сохраняла полное спокойствіе. Когда, напримѣръ, въ исходѣ четвертаго часа пополудни, въ комнату къ ней вошелъ одинъ изъ состоящихъ при градоначальникѣ полицейскихъ офицеровъ, то она полагая вѣроятно, что наступилъ моментъ ея отправленія къ мѣсту заключенія, самымъ спокойнымъ тономъ обратилась къ нему со словами: „Могу я получить свою шляпу и надѣть ее?“ Самообладаніе измѣнило ей только тогда, когда противъ нея былъ установленъ фотографическій приборъ. Она усиленно старалась гримасами исказить свое лицо.

Засуличъ утверждаетъ, что въ ея преступленіи никто другой не причастенъ.

2-е февраля. Письмо матери В. Засуличъ въ «Новое Время».

„Въ № 687 „Новаго Времени“, сообщая о покушеніи на жизнь г-на градоночальника, авторъ замѣтки, между прочимъ, говоритъ: „Имя покусившейся открыто, ее зовутъ Вѣрой Засуличъ; она дочь маіора, принимала участіе въ нечаевской исторіи вмѣстѣ со своею матерью; тогда ей было около 15 лѣтъ“. Смѣю увѣрить, что я ни въ нечаевской, ни въ какой другой исторіи никогда не была замѣшана, въ чемъ вы можете убѣдиться оффиціальнымъ путемъ; дочери моей, Вѣрѣ Засуличъ, во время нечаевскаго процесса было не 15 лѣтъ а 22 года. Прошу васъ исправить неточность эту, вкравшуюся въ замѣтку, и тѣмъ снять съ меня незаслуженное обвиненіе. Примите и проч.

Феоктиста Засуличъ“.

3-е марта.

Предварительное слѣдствіе о покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова, въ чемъ обвиняется дочь колежскаго секретаря Вѣра Ивановна Засуличъ, приведено къ окончанію и препровождено къ товарищу прокурора петербургскаго окружного суда для дальнѣйшаго его направленія. Все движеніе этого дѣла слѣдуетъ по свѣдѣніямъ „Голоса“, *безусловно общему порядку, установленному судебными уставами 20 ноября 1864 года.* Слѣдствіе было произведено мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ 1 участка города Петербурга, Кабатомъ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго прокурорскаго надзора; по составленіи же обвинительнаго акта, дѣло будетъ внесено на разсмотрѣніе обвинительной камеры петербургской судебной палаты и, въ случаѣ преданія Засуличъ суду, дѣло будетъ подлежать разрѣшенію окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

16-е марта.

Дѣло о покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова, уже поступило въ 1-е уголовное отдѣленіе с.-петербургскаго окружного суда. По обвинительному акту, составленному товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда, Кесселемъ, и утвержденному обвинительною камерою здѣшней судебной палаты, дочь капитана Вѣра Ивановна Засуличъ, 27-ми лѣтъ, обвиняется въ томъ, что, съ цѣлью лишить генералъ-адъютанта Трепова жизни, пріобрѣла револьверъ и, явившись въ одинъ изъ пріемныхъ дней въ канцелярію градоначальника, выстрѣлила ему, на близкомъ разстояніи, въ лѣвый бокъ, и если

послѣдствіемъ такого дѣянія не послѣдовала смерть, то лишь по обстоятельствамъ, отъ нея не зависѣвшимъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 9-ю и 1454-ю ст. уложенія о наказаніяхъ. Какъ слышалъ „Голосъ“, дѣло будетъ назначено къ слушанію не ранѣе конца апрѣля или начала мая; предсѣдательствовать будетъ предсѣдатель А. Ф. Кони, обвинителемъ явится товарищъ прокурора окружного суда Кессель; защитникъ подсудимой Вѣры Засуличъ еще не назначенъ, но разсказываютъ, что она сама избрала для своей защиты присяжнаго повѣреннаго округа петербургской судебной палаты Александрова, бывшаго товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Самое дѣло, по существу своему, несложно, и слушаніе его не можетъ продолжаться долѣе одного дня; къ судебному слѣдствію вызываются всего шесть свидѣтелей, въ томъ числѣ г. градоначальникъ и два эксперта.

(Сѣверный Вѣстникъ №№ 61 и 74).

21-го марта.

Къ предстоящему 31-го марта въ нашемъ окружномъ судѣ разсмотрѣнію дѣла о покушеніи В. Засуличъ на жизнь генерала Трепова, должны будутъ прибыть корреспонденты нѣкоторхъ нѣмецкихъ газетъ, для полученія которымъ доступа въ засѣданіе суда уже приняты нужныя мѣры; однимъ изъ нашихъ книгопродавцевъ предпринимается изданіе отчета по этому дѣлу отдѣльной брошюрой.

---

26 марта.

Число публики, желающей присутствовать на предстоящемъ въ нашемъ окружномъ судѣ процессѣ о покушеніи на жизнь Спб. градоначальника уже въ настоящее время настолько значительно, что оказывается возможнымъ удовлетворить не болѣе одной четверти обращающихся съ просьбами о допущеніи въ засѣданіе суда по этому дѣлу.

(Сообщеніе „Русскаго Міра“).

29-го марта.

Въ Спб. окружной судъ въ отвѣтъ на повѣстку, доставленную ген.-ад. Трепову, которою онъ вызывается въ судъ, въ засѣданіе 31 марта, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о покушеніи на его жизнь дочери капитана В. Засуличъ, поступило медицинское свидѣтельство профессора Склифассовскаго, лейбъ-медика Каде и директора Максиміліановской больницы доктора Барча, удостовѣряющее въ томъ, что генералъ Треповъ по состоянію своего здоровья не только не можетъ явиться въ судебное засѣданіе, но и снятіе допроса у него, ген. Трепова, на дому, отозвалось бы несомнѣнно вредно на ходѣ леченія. Защита подсудимой В. Засуличъ, въ лицѣ прис. повѣр. Александрова, ходатайствовала передъ первымъ отдѣленіемъ окружного суда о вызовѣ для допроса на судѣ нѣсколькихъ свидѣтелей, могущихъ по ея мнѣнію, выяснить мотивы покушенія на жизнь градоначальника, и съ тою же цѣлью просила объ истребованіи къ настоящему дѣлу копій съ нѣкоторыхъ протоколовъ изъ производящихся у судебнаго слѣдователя по особымъ важнымъ дѣламъ, Книрима, слѣдствія о безпорядкахъ въ Домѣ предварительнаго заключенія, но судъ, будто-бы, въ обѣихъ просьбахъ отказалъ

защитнику, удовлетворивъ лишь его ходатайство о приглашеніи третьяго эксперта-врача.

30-е марта.

Послѣ отказа окружного суда прис. повѣренному Александрову, защитнику подсудимой Вѣры Засуличъ, въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, защитникъ изъявилъ готовность вызвать указанныхъ имъ свидѣтелей на свой счетъ, въ чемъ судъ не считалъ уже возможнымъ отказать, и ему предоставлено пригласить пять свидѣтелей, находящихся на свободѣ, а о вызовѣ двухъ свидѣтелей, содержащихся въ настоящее время въ Петропавловской крѣпости, Купріянова и Волховскаго, судъ сдѣлалъ распоряженіе на счетъ подсудимой Засуличъ. Всѣ вызываемые защитникомъ свидѣтели содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, одновременно съ арестантомъ Боголюбовымъ, по обвиненію въ государственномъ преступленіи. *Судъ постановилъ*, что *неявка* кого нибудь изъ *этихъ свидѣтелей не будетъ принята во вниманіе и разбирательство дѣла не пріостановитъ.*

(Сообщеніе „Голоса“).

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Дѣло о покушеніи на жизнь с.-петербургскаго градоначальника.

Засѣданіе 1-го отдѣленія спб. окружного суда. Предсѣдательствовалъ *А. Ѳ. Кони*, обвинялъ товарищъ прокурора *Кессель*, защищалъ присяжный повѣренный *Александровъ*.

Въ засѣданіе явились 29 присяжныхъ засѣдателей, изъ коихъ 11 были отведены сторонами. Выбраны были: купецъ В. С. Петровъ, надв. сов. Алексѣевъ, свободный художникъ Верховцевъ, надв. сов. Сергѣевъ, помощникъ смотрителя спб. Александро-Невскаго духовнаго училища Мысловскій, дворянинъ Шульцъ-Торно, кол. рег. Джамусовъ, надв. сов. Лоховъ, дѣйств. студентъ Холщевъ, надв. сов. Кунинскій, купецъ Якимовъ; запасные: г.г. Ситниковъ и Любавинъ. Старшиною выбранъ г. Лоховъ. Приводимъ обвинительный актъ:

24 января 1878 года, въ 10 часовъ утра, въ Петербургѣ, въ пріемной комнатѣ генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова, неизвѣстной женщиной, подававшей лично прошеніе градоначальнику отъ имени дворянки Козловой, было совершено покушеніе на убійство генералъ-адъютанта Трепова, посредствомъ выстрѣла, произведеннаго почти въ упоръ изъ револьвера, заряженнаго пулями большого

калибра. По судебно-медицинскому осмотру, произведенному въ тотъ же день и заключенію врачей, данному какъ первоначально, такъ и при окончаніи предварительнаго слѣдствія, оказывается, что генералъ-адъютанту Трепову выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ почти въ упоръ пулею большого калибра, причинена огнестрѣльная, тяжелая и опасная для жизни рана, проникающая съ лѣвой стороны въ полость таза.

Спрошенные при слѣдствіи, генералъ-адъютантъ Треповъ и свидѣтели — очевидцы событія: маіоръ Курнѣевъ, надв. сов. Гречъ, кол. асс. Цуриковъ удостовѣрили, что выстрѣлъ изъ револьвера, ранившій градоначальника, былъ произведенъ въ пріемной комнатѣ стоявшею возлѣ генералъ-адъютанта Трепова неизвѣстною женщиною, которая тогда же была задержана, причемъ при ней былъ найденъ пятиствольный, длиною въ 1/4 ар., заряженный четырьмя пулями, повидимому новый, револьверъ, сохранившій въ стволѣ пороховую копоть.

Задержанная, такимъ образомъ, на мѣстѣ совершенія преступленія неизвѣстная женщина первоначально скрыла свое имя и званіе, но затѣмъ объяснила, что она дочь капитана Вѣра Ивановна Засуличъ, что и подтверждено данными, собранными на предварительномъ слѣдствіи.

Относительно предъявленнаго противъ Засуличъ обвиненія въ покушеніи на убійство петербургскаго градоначальника, она объяснила, что преступленіе совершено ею съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, причемъ, послѣдствія произведеннаго ею выстрѣла— смерть генералъ-адъютанта Трепова, или нанесеніе ему тяжелой раны—были для нея безразличны, такъ какъ она, тѣмъ или другимъ способомъ, желала отмстить градоначальнику за его распоряженіе о наказаніи розгами арестанта Боголюбова; свѣдѣнія о наказаніи Боголюбова, котораго Засуличъ, по ея показанію, совершенно не знала, были получены ею первоначально лѣтомъ 1877 г. въ

Пензенской губерніи изъ газетъ, а затѣмъ въ Петербургѣ изъ разсказовъ разныхъ лицъ. Слухъ о наказаніи Боголюбова, по объясненію обвиняемой, хорошо знакомой съ душевнымъ настроеніемъ лицъ, лишенныхъ свободы, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго у нея родилась и созрѣла мысль объ отомщеніи градоначальнику. Съ этой цѣлью Засуличъ, въ концѣ декабря 1877 года, или въ началѣ 1878, чрезъ посредство одного изъ своихъ знакомыхъ, ничего не знавшаго о ея намѣреніи, пріобрѣла пятиствольный револьверъ и утромъ 24 января, находясь въ пріемной спб. градоначальника, въ разстояніи одного или полутора аршинахъ отъ ген.-ад. Трепова, выстрѣлила въ него одинъ разъ изъ означеннаго револьвера. Изъ справки, доставленной къ дѣлу управляющимъ Дома Предварительнаго Заключенія, видно, что 13 іюля 1877 г., по предписанію спб. градоначальника за № 6641, лишенный по суду всѣхъ правъ состоянія и приговоренный къ ссылкѣ въ каторжныя работы арестантъ Боголюбовъ былъ наказанъ 25 ударами розогъ, какъ главный виновникъ безпорядковъ, происшедшихъ въ тотъ день въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

На основаніи вышеизложеннаго, дочь капитана В. И. Засуличъ обвиняется въ томъ, что 24 января 1878 г., въ Петербургѣ, въ пріемной комнатѣ спб. градоначальника, имѣя заранѣе обдуманное намѣреніе лишить жизни ген.-ад. Трепова, почти въ упоръ выстрѣлила въ лѣвый бокъ послѣдняго изъ револьвера, заряженнаго пулями большого калибра, причемъ означенный выстрѣлъ причинилъ Трепову тяжкое поврежденіе, которое не повлекло за собой смерти ген.-ад. Трепова только по особымъ непредвидѣннымъ обвиняемой Засуличъ обстоятельствамъ.

Преступное дѣяніе Засуличъ предусмотрѣно 9-ю и 1454-ю ст. улож. о нак. (1866 г.), а потому она согласно ст. 201-й уст. угол. суд. подлежитъ суду Петерб. Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

По открытіи засѣданія, судебнымъ приставомъ было доложено, что не явились свидѣтели: ген.-ад. Треповъ, Купріяновъ и Волховскій; секретарь доложилъ, что 26 марта отъ ген.-ад. Трепова поступило заявленіе, что онъ по состоянію здоровья не можетъ не только явиться въ судъ, но и воспользоваться правомъ, представленнымъ ему 65 ст. уст. уг. суд., въ удостовѣреніе чего предоставлено имъ медицинское свидѣтельство, въ которомъ сказано, что онъ не только не можетъ явиться въ судъ для дачи показанія по дѣлу дочери капитана В. Засуличъ, но и подвергнуться допросу на дому, безъ явнаго вреда для здоровья; затѣмъ, окружной судъ съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ содержащихся въ Петропавловской крѣпости Купріянова и Волховскаго, но изъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи поступило отношеніе, изъ котораго видно, что на основаніи 1 п. 388 ст. и особыхъ правилъ для содержащихся подъ арестомъ, находящіеся въ означенной крѣпости, Волховскій и Купріяновъ, не могутъ быть доставлены въ засѣданіе суда въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу Засуличъ.

Товарищъ прокурора полагалъ признать причину неявки свидѣтелей законной и не встрѣчалъ препятствія къ слушанію дѣла.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Что касается свидѣтеля ген.-ад. Трепова, то показаніе его я считаю несущественнымъ для дѣла и полагаю возможнымъ продолжать слѣдствіе; что касается до неявки свидѣтелей Купріянова и Волховскаго, то эта неявка не зависитъ отъ нихъ: III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи ссылается на 1 п. 388 ст. уст. уг. суд., какъ на причину недоставленія этихъ двухъ свидѣтелей.

Этотъ 1 п. 388 ст. говоритъ, что законною причиною неявки можетъ быть лишеніе свободы, но это касается неявки, а въ настоящемъ случаѣ, есть недоставленіе вызванныхъ свидѣтелей, то эта статья примѣнена быть не можетъ; что касается до ссылки,

III отдѣленія на существующія правила объ арестантахъ, то по этому предмету я ничего не могу сказать, такъ какъ эти правила остаются мнѣ неизвѣстны, я только могу сослаться на то, что по процессу Нечаева изъ Петропавловской крѣпости были доставлены въ судъ въ качествѣ свидѣтелей Волховскій, Успенскій и пр. Я не знаю, послѣдовало ли съ тѣхъ поръ какое-нибудь измѣненіе этихъ правилъ, и просилъ, бы судъ, въ видахъ особаго снисхожденія, сдѣлать немедленно зависящее отъ него распоряженіе о томъ, чтобы Волховскій и Куприяновъ были доставлены изъ Петропавловской крѣпости.

Предсѣдатель. Окружной судъ, выслушавъ заявленіе сторонъ, признаетъ причину неявки свидѣтеля ген.-ад. Трепова уважительною и на основаніи 626 ст. уст. гр. суд. постановилъ прочесть показаніе свидѣтеля Трепова, данное на предварительномъ слѣдствіи; что касается неявки другихъ свидѣтелей, Волховскаго и Куприянова, то имѣя въ виду ссылку на 1 п. 388 ст., и что судомъ были приняты всѣ зависящія отъ него мѣры для доставленія ихъ въ судъ, т. е. были вручены повѣстки, о доставкѣ ихъ было сообщено коменданту Петропавловской крѣпости и III отдѣленію, но повѣстки эти возвращены въ судъ, и сообщено, что по существующимъ правиламъ доставка ихъ въ судъ не представляется возможною, въ виду чего судъ не признаетъ возможнымъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ и постановляетъ, несмотря на неявку ихъ, продолжать судебное засѣданіе.

Затѣмъ выбраны были присяжные засѣдатели, и предсѣдатель сказалъ имъ слѣдующее: «Господа присяжные, я долженъ сдѣлать вамъ напоминаніе о вашихъ обязанностяхъ, но такъ какъ вы исполняете ихъ не первый разъ, то я ограничусь только напоминаніемъ вамъ данной вами присяги.

По существу своему она содержитъ въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, указаніе на тѣ нравственныя обязанности, которыя вы не-

сете. Вы помните, что въ этой присягѣ сказано, что вы приложите всю силу вашего разумѣнія, отнесетесь съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ дѣлу, не упуская ни малѣйшихъ подробностей, повидимому, несущественныхъ, мимолетныхъ, но которыя, по своей совокупности, въ значительной степени рисуютъ дѣло и разъясняютъ его дѣйствительное значеніе.

Вы обязываетесь, кромѣ того, присягою разсматривать всѣ обстоятельства, какъ уличающія, такъ и оправдывающія подсудимую; вы обязуетесь разсматривать совершенно безпристрастно все, что можетъ быть сказано противъ подсудимой и за нее, и, сопоставивъ то и другое, сдѣлать свой выводъ. Вы обязуетесь подать рѣшительный голосъ согласно съ тѣмъ, что услышите на судѣ.

Вы должны помнить, что вы выскажете не мнѣніе, а приговоръ, и съ этой точки зрѣнія вы должны припомнить, что, быть можетъ, по настоящему дѣлу, которое произвело большое впечатлѣніе въ обществѣ, вамъ приходилось слышать разные разговоры и мнѣнія, которые объясняли дѣло то въ ту, то въ другую сторону, я бы посовѣтовалъ вамъ забыть ихъ; вы должны помнить только то, что увидите и услышите на судѣ и помнить, что то, что вы слышали внѣ стѣнъ суда, были мнѣнія, а то, что вы скажете — будетъ приговоръ; то, что вы слышали внѣ стѣнъ суда, не налагаетъ на васъ нравственной отвѣтственности, а вашъ приговоръ налагаетъ на васъ огромную отвѣтственность предъ обществомъ и предъ подсудимой, судьба которой въ вашихъ рукахъ.

Затѣмъ, вы обязуетесь судить по убѣжденію совѣсти, не по впечатлѣнію, а по долгому, обдуманному соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, вы не должны поддаваться мимолетнымъ впечатлѣніямъ, вы должны смотрѣть во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла на ихъ сущность.

Я долженъ сказать, что на васъ можетъ подѣйствовать обстановка настоящаго дѣла: это большое количество слушателей и

нѣкоторая торжественность засѣданія, несвойственная обыкновеннымъ засѣданіямъ, на это вы не должны обращать вниманія,—для васъ, какъ членовъ суда, кромѣ суда, подсудимой, сторонъ и свидѣтелей ничего не должно существовать; вы должны помнить, что къ каждому дѣлу, интересному и неинтересному, вы должны относиться съ полнымъ вниманіемъ, для васъ не можетъ быть дѣлъ важныхъ и неважныхъ, вы должны относиться ко всякому дѣлу одинаково. въ томъ и другомъ случаѣ у васъ въ рукахъ находится судьба человѣка, въ томъ и другомъ случаѣ вы должны произнести приговоръ отрѣшаясь отъ всѣхъ впечатлѣній побочныхъ; въ виду этого я прошу васъ отрѣшиться отъ той обстановки, которая васъ окружаетъ, и помнить, что на васъ лежитъ серіозная обязанность.

Что касается до вашихъ прямыхъ обязанностей, то онѣ состоятъ въ томъ, что вы не должны входить въ сношенія съ лицами посторонними и не должны разглашать тайны вашихъ совѣщаній, хотя вы не отвѣтственны за вашъ приговоръ ни передъ кѣмъ, но тѣмъ не менѣе свобода ваша была бы стѣснена.

Вы не должны входить въ сношенія потому, чтобы васъ не могли заподозрить, что эти сношенія могли вліять на вашъ приговоръ.

Что касается вашихъ правъ, то вы имѣете право на изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, ничто въ дѣлѣ не можетъ быть отъ васъ скрыто, вы имѣете право дѣлать вопросы, разспрашивать и самую подсудимую о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя вамъ покажутся неясными; послѣднимъ правомъ вы можете пользоваться только обращаясь къ суду.

Вы имѣете право дѣлать письменныя замѣтки.

За симъ я надѣюсь, что вы отнесетесь съ полнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу.

Затѣмъ прочитанъ былъ уже извѣстный читателямъ обвинительный актъ.

Предсѣдатель. Подсудимая, вы обвиняетесь въ томъ, что имѣя заранѣе обдуманное намѣреніе убить ген.-ад. Трепова, пришли къ нему въ домъ 24 января съ заранѣе принесеннымъ вами револьверомъ и причинили ему тяжкую рану выстрѣломъ изъ этого револьвера, причемъ смерть не послѣдовала по обстоятельствамъ, устранить которыя было не въ вашей власти. Признаете вы себя виновной?

О. Я признаю, что я произвела выстрѣлъ.

В. Угодно вамъ разсказать—вслѣдствіе чего вы сдѣлали это?

О. Я прошу г. предсѣдателя позволить мнѣ объяснить мотивы послѣ допроса свидѣтелей.

Приглашенъ свидѣтель маіоръ Курнѣевъ.

Предсѣдатель. Вы служите при канцеляріи градоначальника?

О. Да.

В. Какую должность занимали тогда, когда было совершено это преступленіе?

О. Должность чиновника особыхъ порученій.

В. Въ чемъ заключаются ваши настоящія обязанности?

О. Я обязанъ дежурить, постоянно находиться при градоначальникѣ.

В. Покушеніе на жизнь ген.-ад. Трепова произошло на вашемъ дежурствѣ?

О. Да

В. Разскажите, что вамъ извѣстно?

О. Подсудимая Засуличъ была введена мною въ числѣ прочихъ просителей и поставлена была мною первою.

Она подавала прошеніе о выдачѣ свидѣтельства для поступленія въ домашнія учительницы.

Когда вошелъ градоначальникъ, онъ принялъ отъ нея прошеніе и повернулся вправо къ слѣдующей просительницѣ, и когда началъ говорить съ нею, я сдѣлалъ подсудимой Засуличъ знакъ гла-

зами, чтобъ она вышла. Но все вниманіе подсудимой было обращено на рядомъ стоявшаго чиновника особыхъ порученій, Греча. Когда я сдѣлалъ знакъ, чтобы она вышла, она сдѣлала движеніе, какъ будто бы хотѣла выходить, и въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ.

В Въ какомъ разстояніи она стояла?

О. Въ полшага.

В. То есть, вы полагаете, что выстрѣлъ произошелъ на разстояніи полшага?

О. Я не могу припомнить. Она сдѣлала движеніе, чтобы итти, и въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ.

В. Вы слышали сами звукъ выстрѣла?

О. Да, слышалъ.

В. Что вы сдѣлали въ это время?

О. Въ то время, какъ г. градоначальникъ крикнулъ, я такъ былъ пораженъ этимъ, что уже не помню, что было; помню только, что схватилъ подсудимую и спросилъ ее: гдѣ револьверъ, и она мнѣ отвѣтила, что бросила.

В. Боролась съ вами подсудимая?

О. Нѣтъ.

В. Дѣлала она движеніе, чтобъ выстрѣлить второй разъ?

О. Нѣтъ, у нея не было револьвера, она его бросила.

В. Такъ, что вы утверждаете, что она выстрѣлила одинъ разъ?

О. Да, одинъ разъ.

В. Затѣмъ послали за докторомъ?

О. Да, я поѣхалъ.

В. При этомъ подсудимая не объясняла вамъ причину своего поступка?

О. Нѣтъ, ничего не говорила.

Товарищъ прокурора. Далеко-ли вы стояли отъ подсудимой?

О. Шагахъ въ 2—3.

В. Далеко ли стояли другія лица, окружавшія градоначальника,—его чиновники, напримѣръ г. Гречъ?

О. Гречъ стоялъ ближе меня къ подсудимой.

В. Вы окружали градоначальника въ видѣ полукруга?

О. Да, мы сзади стояли.

В. Долго ли принималъ прошеніе градоначальникъ отъ самой подсудимой, приблизительно какъ?

О. Онъ спросилъ подсудимую, она отвѣчала ему, это продолжалось минуты 2—3, не больше.

В. Въ чемъ была одѣта подсудимая?

О. На ней была надѣта шляпа и, кажется, черный платокъ повязанъ сверхъ шляпы; затѣмъ, на ней была надѣта тальма или пальто безъ рукавовъ.

В. Широкая тальма?

О. Да, широкая.

По просьбѣ прокурора, свидѣтелю была предъявлена карточка подсудимой въ томъ костюмѣ, какъ она явилась къ градоначальнику, и онъ призналъ ее.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Вы сказали, что показывали подсудимой глазами, чтобъ она вышла послѣ аудіенціи у градоначальника?

О. Да.

В. Такимъ образомъ, слѣдовательно, вы ее изъ глазъ не выпускали?

О. Да.

В. Вы не видѣли, чтобъ она дѣлала движеніе, цѣлилась въ градоначальника, чтобъ у нея рука высовывалась изъ-подъ тальмы?

О. Я такъ стоялъ, что подсудимая была видна мнѣ только по поясъ.

В. Она была заграждена отъ васъ?

О. Да.

В. Тутъ произошелъ короткій промежутокъ между аудіенціей и выстрѣломъ,— нѣсколько мгновеній, нѣсколько секундъ?

О. Да, такъ, одна минута не больше.

В. Вы не видѣли, когда она бросила револьверъ?

О. Нѣтъ.

В. Когда вы подошли къ ней, револьверъ былъ уже брошенъ?

О. Да, брошенъ.

В. И никто къ ней, кромѣ васъ, не прикасался, вы первый подошли и схватили ее за горло?

О. Не помню хорошенько, это была такая минута...

В. Вы сами освободили ее или васъ кто-нибудь оторвалъ отъ нея?

О. Я передалъ ее дежурному офицеру, который вывелъ ее изъ пріемной.

В. Теперь позвольте перейти къ іюлю мѣсяцу. Вы тогда завѣдывали Домомъ предварительнаго заключенія?

О. Да, завѣдывалъ.

В. Какого рода тамъ было происшествіе 13 іюля съ арестантомъ Боголюбовымъ?

О. Когда градоначальникъ сдѣлалъ замѣчаніе— зачѣмъ политическіе арестанты гуляютъ не въ отведенномъ имъ отдѣленіи...

В. Я просилъ бы объяснить, по какому случаю это было?

О. Г. градоначальникъ пріѣхалъ въ Домъ предварительнаго заключенія, вышелъ во дворъ, гдѣ гуляютъ арестованные, и сдѣлалъ замѣчаніе — почему они не гуляютъ въ отдѣленіи, имъ отведенномъ; въ это время подошелъ Боголюбовъ и вступилъ въ разговоръ. Что онъ говорилъ, я не помню, но градоначальникъ сказалъ ему. «Я не съ вами говорю!». Тогда Боголюбовъ сдѣлалъ какую-то грубость, сказалъ что-то дерзкое, и градоначальникъ приказалъ посадить его въ карцеръ.

В. Я просилъ бы припомнить, съ кѣмъ именно градоначальникъ встрѣтилъ Боголюбова?

О. Не помню.

В. Онъ вдвоемъ или втроемъ гулялъ?

О. Нѣтъ, одинъ.

В. Не помните, какой вопросъ сдѣлалъ градоначальникъ и что отвѣчалъ Боголюбовъ?

О. Не помню.

В. Такимъ образомъ, вы не изволите припомнить тѣ замѣчанія, которыя дѣлалъ градоначальникъ, и тѣ дерзости, которыя отвѣчалъ Боголюбовъ?

О. Не помню, я говорю такъ вообще.

В. Вслѣдствіе чего Боголюбовъ дѣлалъ эти дерзости?

О. Не могу сказать.

В. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе градоначальника—посадить Боголюбова въ карцеръ?

О. Да.

В. Дальше что послѣдовало?

О. Его посадили въ карцеръ.

В. Скажите, при встрѣчѣ съ градоначальникомъ Боголюбовъ оказалъ почтеніе?

О. Никакого.

В. Снималъ шапку?

О. Нѣтъ, вообще политическіе арестанты очень невѣжливы, никогда не кланяются.

В. Когда послѣдовало распоряженіе отвести Боголюбова въ карцеръ, что было?

О. Арестанты стали шумѣть, кричать: «Не смѣть трогать Боголюбова!»

В. Развѣ распоряженіе было высказано настолько громко, что вся тюрьма могла слышать это?

О. Да.

В. Но это происходило на дворѣ?..

Предсѣдатель. Я нисколько не намѣренъ стѣснять свободу защиты, но я просилъ бы держаться только обстоятельствъ дѣла.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Я необходимо долженъ разъяснить фактическую сторону дѣла.

Предсѣдатель. Но эти обстоятельства не относятся до дѣла?

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Мнѣ кажется, что эти свѣдѣнія могутъ оказаться полезными; во всякомъ случаѣ, я прошу снисхожденія, потому что, можетъ быть, нѣкоторые вопросы могутъ показаться излишними, но предварительно трудно рѣшить, какой вопросъ нуженъ для защиты или нѣтъ. Я всегда придерживаюсь того правила: лучше спросить больше, чѣмъ не доспросить. (Свидѣтелю). Крики, которые начались между арестантами, были ли вызваны Боголюбовымъ, повліялъ ли онъ на арестантовъ знакомъ, или независимо отъ него начались эти крики?

О. Я не могу сказать.

В. Вы не припомните того, что Боголюбовъ, на вопросъ градоначальника: почему арестанты гуляютъ вмѣстѣ? отвѣтилъ, что онъ, Боголюбовъ, совсѣмъ по другому дѣлу, чѣмъ тѣ арестанты, съ которыми онъ ходитъ?

О. Я не помню, что онъ началъ говорить, но только онъ началъ говорить, и тогда градоначальникъ замѣтилъ, что это до него не касается, чтобъ онъ ушелъ; затѣмъ послѣдовали дерзости со стороны Боголюбова, но я не помню какія.

В. Вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе о наказаніи Боголюбова?

О. Вслѣдствіе того, что арестанты начали бунтовать.

В. Какая связь между бунтомъ арестантовъ и наказаніемъ Боголюбова?

О. Этого я не знаю.

В. Наказаніе было произведено въ тотъ же день?

О. Въ тотъ же день, но я при этомъ не былъ, я былъ потребованъ къ прокурору судебной палаты.

В. Вы не можете припомнить, какъ скоро послѣдовало наказаніе послѣ отъѣзда градоначальника?

О. Я не могу сказать, но помню, что это было до обѣда.

В. Вы не помните, гдѣ происходило наказаніе, и при какихъ обстоятельствахъ?

О. Кажется въ корридорѣ.

В. Вы были у прокурора до наказанія или послѣ?

О. До наказанія, меня сейчасъ же потребовалъ прокуроръ.

В. Вы имѣли распоряженіе о наказаніи словесное или письменное?

О. Письменное.

В. Вы его когда же получили?

О. Въ тотъ же день, когда градоначальникъ уѣхалъ, — онъ прямо домой поѣхалъ, и вскорѣ я получилъ это предписаніе.

В. Вы не можете сказать, прошелъ большой промежутокъ времени?

О. Нѣтъ, очень короткій.

В. Наказаніе послѣдовало по полученіи письменнаго распоряженія или до?

О. Письменное распоряженіе было получено во время моего присутствія, а наказаніе произведено въ мое отсутствіе.

В. Кто въ ваше отсутствіе распоряжался этимъ наказаніемъ?

О. Кажется, служителя.

Предсѣдатель. Боголюбовъ былъ наказанъ вслѣдствіе шума, который дѣлали арестанты или вслѣдствіе дерзостей, которыя самъ дѣлалъ?

О. Вслѣдствіе шума арестантовъ.

Присяжный засѣдатель. Свидѣтель Курнѣевъ говоритъ, что выстрѣлъ послѣдовалъ въ лѣвую сторону, между тѣмъ изъ показанія

его видно, что лѣвый бокъ находился въ сторонѣ отъ подсудимой.

Свидѣтель. Первая стояла подсудимая, градоначальникъ повернулся, переговоривши съ подсудимой, и очутился къ ней лѣвою стороной.

Членъ суда Денъ. Градоначальникъ отошелъ отъ первой просительницы, или нѣтъ?

О. Онъ сдѣлалъ пол-шага.

Предсѣдатель (*къ Засуличъ*). Вы знакомы съ ген.-ад. Треповымъ?

О. Нѣтъ, я его не знаю, и никогда не встрѣчала его, въ первый разъ видѣла.

Надворный совѣтникъ Гречъ.

Предсѣдатель. Вы служите въ канцеляріи градоначальника?

О. Да.

В. Какую должность занимаете?

О. Чиновника особыхъ порученій.

В. Вы были въ день происшествія дежурнымъ?

О. Да.

В. Разскажите, какъ это произошло?

О. Въ 10 часовъ утра я, Курнѣевъ и дежурный офицеръ Цуриковъ ввели просителей въ пріемную комнату градоначальника; просителей было человѣкъ 12, въ числѣ ихъ была подсудимая. Она встала первая около дверей кабинета генерала. Онъ вышелъ, она подала ему прошеніе, что проситъ свидѣтельство о поведеніи. Когда ее генералъ спросилъ объ адресѣ, она сказала, что адресъ указанъ. Затѣмъ генералъ повернулся къ слѣдующей просительницѣ, которая стояла около печки, такъ что подсудимая осталась съ боку. Она устремила взоры свои на меня, и на Курнѣева пристально посмотрѣла; я приписалъ это тому, что она хотѣла выдти, но не могла потому, что тутъ стоялъ стулъ. Въ это время раздался выстрѣлъ, и генералъ Треповъ пошатнулся нѣсколько въ сторону, затѣмъ

сталъ падать. Подсудимая стояла предо мною, въ рукахъ ея былъ револьверъ, но она сейчасъ же его опустила, и я его поднялъ потомъ; она была арестована Курнѣевымъ.

В. Объясняла она, почему она это сдѣлала?

О. Нѣтъ, ничего не объясняла.

В. Какъ она была одѣта? Какъ на этой краточкѣ?

О. Нѣтъ, она была безъ платка.

В. На какомъ разстояніи она стояла?

О. Она стояла совершенно близко.

В. Какъ вы полагаете, выстрѣлъ былъ въ упоръ?

О. Да, въ упоръ.

Товарищъ прокурора. Вы говорите, что вы на нее смотрѣли?

О. Да, потому что она устремила взоры на меня.

В. Вы стояли еще ближе къ Трепову, чѣмъ маіоръ Курнѣевъ?

О. Я стоялъ съ правой стороны отъ генерала.

В. Какъ вы полагаете, много времени прошло со времени аудіенціи Засуличъ до выстрѣла?

О. Очень мало, можетъ быть одна минута, генералъ всего два вопроса сдѣлалъ.

В. У васъ не было сомнѣнія, чтобы она желала сдѣлать другой выстрѣлъ?

О. Нѣтъ, незамѣтно.

Колл. асс. Цуриковъ.

Предсѣдатель. Вы гдѣ служите?

О. Помощникомъ пристава охтенскаго участка.

В. Вы были 24 января у градоначальника?

О. Я былъ тогда дежурнымъ.

В. Что тамъ случилось?

О. Въ 10 часовъ генералъ потребовалъ просителей, въ то время съ просителями находился я, чиновникъ особыхъ порученій и экзекуторъ канцеляріи Курнѣевъ. Просителей было человѣкъ 15; первая

стояла Засуличъ. Онъ подошелъ къ ней первой, принялъ прошеніе, спросилъ, о чемъ оно, сдѣлалъ помѣтку и повернулся ко второй просительницѣ. Въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ. Я взялъ ее за руки, Курнѣевъ за плечи, и я повелъ ее. Генералъ взялся правой рукой за бокъ, потомъ упалъ.

В. Генералъ началъ падать послѣ того, какъ вы повели Засуличъ, или до этого?

О. Нѣтъ, когда выстрѣлъ послѣдовалъ и я взялъ ее за руки, генералъ въ скорости взялся рукой за бокъ и постепенно началъ падать.

В. Въ какомъ разстояніи стояла Засуличъ, когда стрѣляла?

О. Не болѣе, какъ на пол-аршина.

В. Что она говорила, зачѣмъ это сдѣлала?

О. Я спрашивалъ ее, когда привелъ въ дежурную комнату, спрашивалъ о ея званіи. Она назвалась дворянкой Козловой, Тверской губ. и уѣзда, дочерью отставного подпоручика, находилась домашней учительницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я спрашивалъ, что ее побудило, она сказала: Боголюбовская исторія.

Товарищъ прокурора Вы разговаривали съ ней долго?

О. Да, я все время находился съ нею.

В. Что вы можете сказать о состояніи ея духа послѣ выстрѣла, была ли она въ волненіи?

О. Этого не было замѣтно.

В. Долго градоначальникъ съ нею разговаривалъ?

О. Нѣтъ, недолго.

В. Далеко вы стояли отъ градоначальника?

О. Нѣтъ, недалеко—первый стоялъ Гречъ, Курнѣевъ, потомъ я.

В. Когда послѣдовалъ выстрѣлъ, видѣли вы револьверъ или нѣтъ?

О. Нѣтъ.

В. Высовывался конецъ револьвера изъ подъ тальмы?

О. Нѣтъ.

В. Тальма была широкая, длинная?

О. Да.

Свидѣтелю была предъявлена карточка Засуличъ, которую онъ призналъ.

Придворный конюхъ *Соловьевъ*.

Предсѣдатель Что вы знаете по этому дѣлу? Вы были очевидцемъ преступленія?

О. Да. Когда насъ позвали въ пріемную комнату, гдѣ принимаются прошенія, насъ поставили въ порядкѣ; та, которая сдѣлала выстрѣлъ, встала первой. Вышелъ генералъ Треповъ, взялъ у нея прошеніе; затѣмъ подошелъ ко второй, спросилъ о чемъ у нея прошеніе, та не могла отвѣтить. Въ это время раздался выстрѣлъ, я сейчасъ взадъ, прошеніе выпало у меня изъ рукъ. Я поддержалъ Θ. Θ.; принесли подушку, а намъ домой велѣно идти.

В. Какъ далеко она стояла?

О. Она стояла, затѣмъ старушка и я.

В. Когда она выстрѣлила, револьверъ упалъ у нея?

О. Да, упалъ на полъ.

Прокуроръ. Много ли времени прошло между разговоромъ градоначальника и тѣмъ, что она выстрѣлила?

О Я, право, не знаю; въ скоромъ времени; генералъ только успѣлъ спросить, въ чемъ прошеніе, старушка не могла отвѣтить.

В. Долго онъ разговаривалъ съ Засуличъ?

О. Нѣтъ, онъ только спросилъ, въ чемъ прошеніе, и она отвѣтила.

В. Чиновники далеко стояли отъ Засуличъ и градоначальника или близко?

О. Нѣтъ, они стояли близко.

В. Вы видѣли Засуличъ въ той комнатѣ, въ которой дожидалц пріема, пока не ввели васъ въ залъ?

О. Нѣтъ, я ее не замѣтилъ.

В. Вами никто не былъ замѣченъ, кто бы ходилъ, волновался?

О. Нѣтъ, я ничего не замѣтилъ, я только думалъ о своемъ прошеніи.

Оружейникъ *Леженъ*.

Предсѣдатель. Вы хозяинъ оружейнаго магазина?

О. Нѣтъ, я сынъ его.

В. Вы торгуете въ оружейномъ магазинѣ?

О. Да.

Свидѣтелю были предъявлены два револьвера, лежавшіе на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Предсѣдатель. Вамъ знакомы эти револьверы?

О. Да.

В. Что вамъ извѣстно о ихъ покупкѣ.

О. Револьверъ этотъ купленъ у меня 12 января неизвѣстнымъ лицомъ (указываетъ на револьверъ, который короче). Онъ прежде купилъ револьверъ, потомъ вынулъ изъ кармана другой и сказалъ, не возьму ли я его въ обмѣнъ. Въ первый разъ револьверъ былъ купленъ наканунѣ Рождества.

В. Кто приходилъ, тотъ же самый человѣкъ?

О. Да.

В. Который изъ двухъ револьверовъ сильнѣе?

О. Тотъ, который былъ купленъ у меня послѣднимъ.

В. Для чего употребляются такіе револьверы, употребляются ли они для охоты?

О. Для охоты не употребляются.

Предсѣдатель. Не признаютъ ли стороны нужнымъ прочесть показанія свидѣтеля, потому что въ его показаніяхъ встрѣчаются разногласія?

Стороны изъявили согласіе.

Предсѣдатель. Вы показывали, что 24 декабря былъ купленъ

у васъ револьверъ нѣмецкой работы, а вторая покупка была 4 января. (Читаетъ): 24 декабря пришелъ въ 2 часа въ магазинъ неизвѣстный человѣкъ, спросилъ револьверъ «Бульдогъ» и купилъ револьверъ нѣмецкой работы за 21 рубль. Затѣмъ, тотъ же человѣкъ пришелъ 4 января и спросилъ револьверъ англійской работы, при чемъ продалъ представленный револьверъ системы Вейдле за 11 руб. и доплатилъ 10 руб. Въ оба раза онъ патроновъ не покупалъ и объяснилъ, что у него есть много такого калибра патроновъ, которые подходятъ къ «Бульдогу».

Товарищъ прокурора. Только одинъ сортъ револьверовъ сильнѣе того, который купилъ неизвѣстный?

О. Да, только еще одинъ сортъ, тотъ длиннѣе этого значительно.

В. Старый револьверъ, который былъ принесенъ для продажи былъ въ исправности?

О. Да.

В. Но онъ былъ слабѣе?

О. Да, значительно слабѣе.

В. Калибръ пуль разный?

О. Да, разный.

Подсудимой были предъявлены оба револьвера. Она сказала, что стрѣляла изъ того, который короче, а другого никогда не видала.

Предсѣдатель (свидѣтелю). Что система этихъ револьверовъ одинакая?

О. Да, одинакая.

Затѣмъ свидѣтелю и подсудимой были предъявлены патроны. Она признала, что ими былъ заряженъ револьверъ.—Прочтено было показаніе ген.-адъютанта *Трепова*, данное имъ 24 января 1878 г., слѣдующаго содержанія.

«Сегодня въ 10 ч. утра во время пріема просителей въ пріемной комнатѣ находилось нѣсколько просителей. Принявъ первую

просительницу—фамиліи не упомню, я приступилъ ко второй, которая на вопросъ мой: что ей угодно? стала просить выдать ей свидѣтельство съ удостовѣреніемъ о ея поведеніи. Она была очень закутана и теплѣе одѣта, чѣмъ другія лица, такъ что я не могъ разсмотрѣть ее. Когда я приступилъ къ третьей просительницѣ, которая стояла рядомъ со второй, и повернулся къ ней лицомъ, раздался выстрѣлъ, который однако я не слышалъ, и я упалъ раненый въ лѣвый бокъ. Маіоръ Курнѣевъ бросился на стрѣлявшую женщину и между ними завязалась борьба, при чемъ женщина не отдавала упорно револьвера и желала произвести второй выстрѣлъ. Женщины я этой до сихъ поръ не зналъ, и не знаю, что за причина побудила ее покуситься на мою жизнь».

Предсѣдатель. Подсудимая Засуличъ, здѣсь были даны показанія свидѣтелей, очевидцевъ вашего преступленія. Что вы можете сказать вообще о показаніяхъ свидѣтелей относительно факта совершеннаго вами поступка? Объясните, хотѣли вы стрѣлять второй разъ?

О. Нѣтъ.

В. Что сдѣлалось послѣ съ револьверомъ?

О. Я его бросила тотчасъ же. Я его бросила, потому что боялась, что когда бросятся на меня, я могу выстрѣлить второй разъ, потому что курокъ очень легко спускался, а я этого не желала.

В. Объясните, откуда вы пріобрѣли этотъ револьверъ?

О. Я просила купить одного знакомаго.

В. Объяснили вы ему причину?

О. Нѣтъ, не объяснила.

В. Откуда вы достали патроны?

О. Онъ же принесъ коробочку.

В. Боролись вы съ тѣми лицами, которыя васъ задержали?

О. Я вовсе не боролась, ни одного движенія не сдѣлала.

Членъ суда *Денъ.* Вы дали денегъ тому лицу на покупку

револьвера?

О. Я сказала, что дамъ деньги, онъ купилъ на свои и когда принесъ мнѣ револьверъ, я дала ему деньги.

В. Сколько вы дали денегъ?

О. Кажется 21 руб.

В. Раньше вы пробовали стрѣлять изъ револьвера?

О. Нѣтъ, не заряженный пробовала.

Предъявлено было подсудимой прошеніе, поданное ею градоначальнику.

Предсѣдатель Это прошеніе вы подавали?

О. Да.

В. Неможете ли вы объяснить, почему вы назвались Козловой!

О. Это была первая попавшаяся фамилія.

В. Отчего вы не назвались вашимъ собственнымъ именемъ?

О. Я потому не хотѣла назваться своей фамиліей, что раньше я была прописана у одной знакомой дѣвицы, и я думала, что дѣло мое будетъ разбираться политическимъ порядкомъ; могли узнать, что она живетъ со мною, ее стали бы разыскивать и могли арестовать, я хотѣла дать возможность моей знакомой уйти отъ преслѣдованій, а еслибы тотчасъ же было извѣстно мое имя, то она не могла бы уйти.

В. Подъ какимъ именемъ вы были прописаны на квартирѣ?

О. Подъ именемъ Лапиной.

В. Въ виду чего вы были прописаны подъ этой фамиліей? Потому что хотѣли совершить преступленіе?

О. Да.

Присяжный засѣватель. Не обращалась ли подсудимая прежде къ генералъ-адъютанту Трепову съ какой-нибудь просьбой?

О. Нѣтъ никогда не обращалась.

Предсѣдатель. Подсудимая, теперь начнется допросъ свидѣтелей, вызванныхъ вашимъ защитникомъ, не хотите ли дать объя-

сненіе о чемъ вы хотѣли ихъ спрашивать?

О. О томъ происшествіи, которое было въ Домѣ предварительнаго заключенія.

В. Какое отношеніе это имѣетъ къ дѣлу?

О. Если бы не было этого происшествія, я не стрѣляла бы.

В. Откуда оно стало вамъ извѣстно?

О. Изъ газетъ, изъ краткой газетной замѣтки, потомъ изъ разсказовъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ.

В. Разныхъ лицъ бывшихъ очевидцами?

О. Нѣтъ, слышавшихъ отъ очевидцевъ; я такъ много слышала разсказовъ, что могла провѣрить.

В. Какую газетную замѣтку вы прочитали?

О. Въ «Новомъ Времени».

В. Что тамъ было сказано?

О. Тамъ было сказано, что одинъ членъ администраціи, посѣтивъ Домъ предварительнаго заключенія и встрѣтивъ гулявшихъ на дворѣ арестантовъ, вслѣдствіе какого-то невѣжливаго неудовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, приказалъ посадить Боголюбова въ карцеръ, а за неснятіе имъ шапки, она была сбита у него съ головы кулакомъ, а потомъ было приказано высѣчь его. Подробности этого происшествія я слышала изъ разсказовъ.

В. Вы пріѣхали въ Петербургъ и здѣсь разспрашивали или узнали объ этомъ внутри Россіи?

О. Въ Петербургѣ.

В. Зачѣмъ пріѣхали въ Петербургъ?

О. У меня здѣсь родные.

В. У васъ была уже тогда цѣль отмстить генералъ-адъютанту Трепову?

О. Нѣтъ тогда опредѣленной цѣли не было, я пріѣхала по своимъ дѣламъ.

Петропавловскій.

Предсѣдатель. Вы знаете подсудимую?

О. Нѣтъ.

В. Вы содержались въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Да.

В. Вы имѣли свиданія съ кѣмъ-нибудь?

О. Нѣтъ, я ни съ кѣмъ не видался.

В. Когда вы сидѣли въ тюрьмѣ, вы не могли разсказывать кому-нибудь?

О. Нѣтъ.

В. Вы писали кому-нибудь?

О. Нѣтъ, писать было также нельзя.

В. Когда вы выпущены изъ Дома предварительнаго заключенія?

О. 23 января 1878 года.

В. Вы подсудимой не разсказывали ничего о томъ, что было въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Нѣтъ, я ея не знаю.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Вы присутствовали при встрѣчѣ градоначальника съ Боголюбовымъ?

О. Да.

В. Разскажите какъ это происходило?

О. Я гулялъ вмѣстѣ съ девятью человѣками, которые были выведены на дворъ для гулянья. Эти девять человѣкъ раздѣлились на группы; въ каждой было по два, по три человѣка; въ одной изъ группъ были Кадьянъ, Боголюбовъ и я. Это было около 10 час. утра. Вдругъ отворяются ворота и появляется градоначальникъ. Мы въ то время стояли на противоположномъ концѣ двора; градоначальникъ подходитъ къ нашей группѣ и обращается къ управляющему, который шелъ рядомъ съ нимъ и спрашиваетъ его раздраженнымъ тономъ—почему мы гуляемъ вмѣстѣ, такъ какъ по правиламъ мы должны и въ камерахъ сидѣть въ одиночку

Въ это время управляющимъ былъ маіоръ Курнѣевъ. Что онъ отвѣтилъ, я не знаю; но вмѣсто его счелъ нужнымъ отвѣтить самъ Боголюбовъ, который замѣтилъ, что онъ уже присужденъ и имѣетъ право видѣться со всѣми тѣми, которые сидятъ тутъ въ Домѣ предварительнаго заключенія. Послѣ этого градоначальникъ сталъ еще болѣе раздраженъ. Онъ обращается къ Боголюбову и довольно зычнымъ голосомъ закричалъ: «развѣ я къ тебѣ обращаюсь?!» и этотъ вопросъ повторилъ нѣсколько разъ. Въ концѣ концовъ онъ закричалъ: «взять его въ карцеръ!» Но такъ какъ въ это время не было лица, которое могло бы исполнить его приказаніе, мы имѣли возможность обойти еще вокругъ двора. Когда мы обошли и встрѣтились опять съ управляющимъ и градоначальникомъ, тогда градоначальникъ подбѣгаетъ къ Боголюбову очень близко, замахивается на него рукой и кричитъ: «долой шапку!» Боголюбовъ, видя угрожающее движеніе руки, отскакиваетъ; вслѣдствіе такого движенія, шапка свалилась нѣсколько на бокъ; онъ подхватываетъ и надѣваетъ; тогда опять градоначальникъ подбѣжалъ къ нему и замахнулся на него рукою, но я былъ тогда въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не видалъ, сбилъ ли онъ съ него шапку. Въ скоромъ времени послѣ этого Боголюбовъ былъ отведенъ въ карцеръ.

Предсѣдатель. Что вамъ извѣстно о наказаніи?

О. Я самъ объ этомъ не слыхалъ, такъ какъ въ то время уже сидѣлъ въ камерѣ.

В. Такъ что потомъ объ этомъ узнали?

О. Да.

В. Другіе арестанты при этомъ производили шумъ?

О. Да, во время послѣдней сцены, когда градоначальникъ замахнулся рукой на Боголюбова, сдѣлался ужасный шумъ, и вслѣдствіе этого шума градоначальникъ ушелъ.

В. Былъ одинъ шумъ, или что было еще?

О. Нѣтъ, былъ только шумъ.

В. Форточки разбивались?

О. Нѣтъ, въ то время былъ только одинъ шумъ.

В. Боголюбовъ къ чему былъ присужденъ?

О. Онъ былъ присужденъ къ каторгѣ.

В. Встрѣчаясь съ градоначальникомъ, онъ кланялся ему?

О. Когда мы въ первый разъ встрѣтились съ нимъ, мы всѣ сдѣлали ему поклонъ; Боголюбовъ снялъ шапку такъ же, какъ и Кадьянъ.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Не было возбужденія со стороны Боголюбова прочихъ арестантовъ къ шуму?

О. Нѣтъ, послѣ тѣхъ словъ, которыя вызывали раздраженіе градоначальника, Боголюбовъ ничего не говорилъ; я могъ слышать, такъ какъ стоялъ возлѣ него.

В. Вслѣдствіе же чего начался шумъ со стороны арестантовъ?

О. Когда они увидали послѣднюю сцену, когда градоначальникъ сшибъ шапку съ Боголюбова, тогда всѣ подняли крикъ негодованія.

В. Вы не помните, не отвѣтилъ ли Боголюбовъ градоначальнику, что онъ по другому дѣлу, нежели вы и докторъ Кадьянъ?

О. Онъ именно это и сказалъ ему при первой встрѣчѣ, что онъ осужденъ и, кромѣ того, по другому дѣлу.

В. Вы услышали въ тотъ же день о наказаніи Боголюбова?

О. Объ этомъ я слышалъ часа черезъ три. Курнѣевъ зашелъ на дворъ къ намъ и громко сказалъ, что Боголюбова будутъ сѣчь

В. Это онъ сказалъ вслухъ при арестантахъ?

О. Да, и послѣ этого произошелъ ужасный шумъ.

По просьбѣ защиты была прочтена замѣтка газеты «Новое Время», сообщающая объ этомъ происшествіи:

«Съ недѣлю уже въ городѣ ходятъ настойчивые слухи о какомъ-то происшествіи въ Домѣ предварительнаго заключенія, на-

ходящемся рядомъ съ зданіемъ судебныхъ установленій. «Голосу» передавали по этому поводу, что 13-го іюля одинъ изъ представителей администраціи въ Петербургѣ, при посѣщеніи тюрьмы, остался недоволенъ порядками, заведенными въ тюрьмѣ лицами прокурорскаго надзора, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за содержаніемъ арестованныхъ. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что три арестанта прогуливаются вмѣстѣ и обратился къ одному изъ арестантовъ съ вопросомъ о причинѣ такой свободы. Арестантъ этотъ оказался однимъ изъ обвиненныхъ по дѣлу о безпорядкахъ, происшедшихъ 6-го декабря прошлаго года на площади Казанскаго собора, Боголюбовымъ, приговореннымъ уже особымъ присутствіемъ правит. сената къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу, но еще ожидающимъ исполненія этого приговора. Неудовлетворительный, а можетъ быть и недостаточно почтительный отвѣтъ Боголюбова вызвалъ со стороны посѣтителя тюрьмы распоряженіе о немедленномъ заключеніи арестанта въ карцеръ. Исполнявшему это приказаніе пришлось проводить Боголюбова опять по двору, гдѣ находилось и лицо, отдавшее приказаніе. Проходя вблизи стоящаго съ другими лицами посѣтителя, Боголюбовъ не снялъ фуражки; представитель администраціи размахомъ руки сшибъ фуражку съ головы Боголюбова, а въ наказаніе за оказанное ему неуваженіе приказалъ тюремному начальству подвергнуть Боголюбова тѣлесному наказанію для примѣра другимъ содержащимся. На слѣдующій день распоряженіе это было исполнено и Боголюбовъ наказанъ розгами въ корридорѣ тюрьмы, въ присутствіи всѣхъ арестантовъ того отдѣленія, въ которомъ содержался.

Товарищъ прокурора. Въ виду прочтенія этой замѣтки я просилъ бы прочитать копію съ предписанія градоначальника о наказаніи Боголюбова.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Я полагаю, что прочтеніе

этой копіи будетъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ судопроизводства. На основаніи закона на судѣ могутъ быть прочитаны протоколы осмотра или вещественныя доказательства. Копія съ предписанія градоначальника не можетъ считаться вещественнымъ доказательствомъ, каковымъ могъ бы считаться только подлинникъ этого предписанія или протоколъ осмотра этого подлинника судебнымъ слѣдователемъ съ понятыми и проч. Я это предвидѣлъ и потому предварительно просилъ окружный судъ истребовать подлинникъ предписанія градоначальника, но въ этомъ мнѣ было отказано, и я полагаю, что теперь за неимѣніемъ подлинника, читать копію невозможно. Я не могу утверждать, чтобы эта копія не была согласна съ подлинникомъ; но съ другой стороны у меня нѣтъ никакихъ гарантій, удостовѣряющихъ, что эта копія есть именно дѣйствительная копія съ предписанія градоначальника. Въ виду этого возможнаго сомнѣнія, я не считаю возможнымъ прочтенія этой копіи.

Товарищъ прокурора. Если защитникъ предполагалъ возможнымъ чтеніе подлиннаго предписанія, то въ чтеніи копіи нѣтъ нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства. Что касается до того, что защитникъ говоритъ, что онъ не имѣетъ гарантій, что копія эта подлинная, что есть сомнѣнія, то гарантія представляется подписью лица, удостовѣрявшаго эту копію, которому извѣстно, что за подлогъ документа онъ подвергается строгому наказанію.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Говоря о невозможности прочтенія, я разумѣю невозможность не вслѣдствіе содержанія копіи,— прочтеніе этой копіи, по существу ея, не имѣетъ ничего такого, чѣмъ были бы нарушены обряды судопроизводства —я обращаю вниманіе на форму. Протоколъ осмотра, составленный судебнымъ слѣдователемъ, конечно, могъ бы быть прочитанъ, но еслибъ явилась копія съ этого протокола, засвидѣтельствованная полицейскимъ чиновникомъ, то протоколъ этотъ не могъ бы быть прочитанъ не по существу своему, не по содержанію, а по формѣ, въ которой онъ во-

лощается. Такимъ образомъ, я полагаю, что самый подлинникъ можетъ быть прочитанъ, но никакъ не можетъ быть прочитана такая копія, которая, хотя и удостовѣряется должностнымъ лицомъ, но не такимъ должностнымъ лицомъ, которому предоставляется составленіе слѣдственнаго акта. Вотъ потому, что этотъ документъ не удовлетворяетъ установленной формѣ, я полагаю невозможнымъ прочтеніе.

Предсѣдатель. Окружный судъ, выслушавъ заявленія сторонъ, находитъ, что, хотя въ виду окружнаго суда нѣтъ законнаго основанія сомнѣваться въ согласіи копіи съ подлиннымъ предписаніемъ градоначальника, но, несмотря на отсутствіе такого основанія, ни копія, ни подлинное предписаніе не могли бы быть прочтены, въ виду рѣшенія кассаціоннаго департамента правительствующаго сената по дѣлу Зимина, коимъ объяснено, что справки изъ полицейскихъ управленій и мѣстъ заключеній писаны быть не могутъ, поэтому судъ постановилъ въ ходатайствѣ прокурора отказать. Но въ виду того, что законъ обязываетъ меня уяснить обстоятельства дѣла, я долженъ удостовѣрить, что въ обвинительномъ актѣ, который утвержденъ судебной палатой, сказано, что изъ справки, доставленной изъ Дома предварительнаго заключенія, видно, что по предписанію градоначальника, лишенный всѣхъ правъ состоянія арестантъ Боголюбовъ былъ наказанъ 13 іюля 25 ударами розогъ. Такимъ образомъ, вопросъ достаточно выясненъ. Затѣмъ я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что въ замѣткѣ сказано, что наказаніе было на другой день, тогда какъ здѣсь выяснено, что оно было въ тотъ же день.

Голоушевъ.

Предсѣдатель. Вы знаете подсудимую?

О. Нѣтъ.

В. Нигдѣ не встрѣчали ее?

О. Нѣтъ.

В. Не разсказывали ей ничего о происшествіи въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Я ее даже не видѣлъ.

В. Имѣли вы свиданія?

О. Да, имѣлъ съ матерью.

В. Разсказывали ей объ этомъ происшествіи?

О. Да.

В. Вамъ извѣстно, что производится слѣдствіе о безпорядкахъ, бывшихъ въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Да, извѣстно.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Что вамъ извѣстно о происшествіи 13-го іюля?

О. Я былъ свидѣтелемъ всего происшествія съ самаго начала Я сидѣлъ по утру, около 10 часовъ, у окна и пилъ чай, когда замѣтилъ временное какъ бы затишье на дворѣ, показывающее, что тамъ происходитъ что-то необыкновенное. Я взглянулъ въ окно и увидалъ, что градоначальникъ, въ сопровожденіи Курнѣева и еще кого-то, вошелъ во дворъ. Въ это время тамъ гуляло нѣсколько подсудимыхъ по политическимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и Боголюбовъ. Надо сказать, что на четыреугольномъ дворѣ есть кругъ, раздѣленный радіусами, гдѣ заключенные гуляютъ по одному; но случилось такъ, что гуляли вмѣстѣ Кадьянъ, Петропавловскій и Боголюбовъ. Въ то время, когда градоначальникъ встрѣтился съ ними, тѣ отдали поклонъ, но градоначальникъ прошелъ мимо, не замѣчая этого. Затѣмъ градоначальникъ обратился къ Курнѣеву съ какимъ-то вопросомъ. Потомъ изъ общихъ разсказовъ я узналъ, что вопросъ заключался въ томъ: «Зачѣмъ подсудимые гуляютъ вмѣстѣ? Развѣ могутъ лица, сидящія по одному и тому же дѣлу гулять вмѣстѣ?» Отвѣта, вѣроятно, не послѣдовало. Затѣмъ я видѣлъ, что Боголюбовъ, приподнявъ фуражку, сказалъ что-то градоначальнику. Оказалось, что онъ сказалъ: «Я по другому дѣлу».

Тогда я слышалъ, что градоначальникъ, очень разсерженный, обратившись къ нему, громко крикнулъ: «Не съ тобой говорятъ!», и спросилъ его фамилію у Курнѣева. Тотъ отвѣчалъ: «Боголюбовъ». «Осужденный?» «Да». Тогда градоначальникъ крикнулъ: «Въ карцеръ!» Послѣдовало общее недоумѣніе, затѣмъ градоначальникъ продолжалъ путь съ сопровождавшимъ его Курнѣевымъ, а Боголюбовъ пошелъ по другую сторону круга, такъ что они неизбѣжно должны были встрѣтиться. Когда опять Боголюбовъ поравнялся съ градоначальникомъ, тогда градоначальникъ закричалъ: въ карцеръ! въ карцеръ! шапку долой! и замахнулся на него рукой. Сшибъ онъ шапку съ Боголюбова или нѣтъ, я не знаю, но я видѣлъ размахъ, который долженъ былъ попасть въ Боголюбова, и шапка свалилась. Тогда начался шумъ, да иначе и быть не могло. Я помню, что черезъ нѣсколько времени, когда шумъ сталъ затихать, Курнѣевъ вышелъ на дворъ и объяснилъ, что Боголюбова будутъ сѣчь, вѣроятно желая успокоить арестованныхъ. Можетъ быть я вношу извѣстную долю волненія въ этотъ разсказъ, но я былъ свидѣтелемъ этого происшествія, я не могу забыть его и мнѣ трудно удержаться отъ волненія. Затѣмъ поднялся общій крикъ негодованія, который проявился тѣмъ, чѣмъ можетъ проявиться у человѣка, запертаго въ клѣткѣ. Затѣмъ началась расправа. Я былъ посаженъ въ карцеръ и не могъ слышать, какъ происходила экзекуція; я слышалъ только стоны, крики, но, какъ было, сказать не могу. Затѣмъ я прошу позволить мнѣ объяснить еще одно обстоятельство, которое можетъ выяснить дѣло присяжнымъ засѣдателямъ. Вся эта исторія отозвалась на всѣхъ такъ сильно, что о немъ было подано тогда же заявленіе въ особое присутствіе и былъ поставленъ вопросъ такъ, что если преступленіе не будетъ разобрано, то подсудимые отказываются отъ всякаго участія въ судѣ.

В. Доводимо было до вашего свѣдѣнія о самомъ производствѣ экзекуціи?

О. Это не было доведено оффиціальными лицами, но понятно, что разсказы объ этомъ доходили до меня. Я слышалъ, что экзекуцію первоначально предполагалось произвести при всѣхъ подсудимыхъ на дворѣ, но потомъ, почему то, произвели ее въ корридорѣ, откуда могли допоситься стоны и свистъ розогъ.

Щиголевъ.

Предсѣдатель. Вы знаете подсудимую Засуличъ.

О. Нѣтъ, не знаю.

В. Вы съ ней встрѣчались?

О. Нѣтъ.

В. Разсказывали объ обстоятельствахъ происшествія въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Нѣтъ, никогда.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Что вы знаете о происшествіи 13 іюля въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Въ Домѣ предварительнаго заключенія, лѣтомъ, содержащіеся тамъ преступники имѣютъ обыкновеніе большею частью проводить время на окнахъ. 13 іюля, когда я занимался въ своей камерѣ, я услышалъ шумъ на дворѣ. Я подбѣжалъ къ окну и увидалъ градоначальника и еще нѣсколько лицъ, совершенно незнакомыхъ, которые вмѣстѣ съ управляющимъ стояли подлѣ осужденнаго по политическому дѣлу Боголюбова; когда я подошелъ къ окну, въ это время я увидѣлъ, что градоначальникъ замахнулся рукой на Боголюбова, но я не замѣтилъ, ударилъ ли онъ его или хотѣлъ сбить съ него шапку, но мнѣ казалось, что онъ не сбилъ шапки, а она сама свалилась отъ движенія Боголюбова, который уклонился отъ удара. Изъ оконъ арестованныхъ поднялись крики негодованія, градоначальникъ повернулся и быстро пошелъ со двора. Послѣ его ухода долго еще раздавались крики изъ оконъ и нѣкоторые изъ сидѣвшихъ ближе слышали, что градоначальникъ велѣлъ посадить Боголюбова въ карцеръ, и передали это своимъ товарищамъ, тогда

поднялись крики: «освободить Боголюбова изъ карцера», когда его уже надзиратель увелъ туда; эти крики продолжались съ полчаса, или съ часъ времени — опредѣлить не могу, потому что мы тогда всѣ находились, большею частью, въ возбужденномъ состояніи. Черезъ часъ или полчаса вошелъ исправляющій должность управляющаго во дворъ; крики смолкли, арестованные думали, что онъ желаетъ сказать что-либо, чтобы успокоить, но онъ, вмѣсто того, объявилъ намъ, что Боголюбовъ будетъ высѣченъ. Это объявленіе возбудило негодованіе всѣхъ подсудимыхъ, они чувствовали себя въ высшей степени оскорбленными, и крики начались съ новой силой. Я думаю, черезъ часъ мы услышали по корридору особенно сильное движеніе, и нѣкоторые изъ товарищей закричали, что въ Домѣ находится много городовыхъ, которые заходятъ въ камеры и куда-то ведутъ арестантовъ, но ко мнѣ не входили.

В. По дѣлу о безпорядкахъ васъ допрашивали?

О. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Я долженъ вамъ сказать, г.г. присяжные засѣдатели, что въ показаніяхъ этого свидѣтеля заключается утвержденіе того, что были безпорядки и что производится дѣло о превышеніи власти лицами, завѣдывавшими Домомъ предварительнаго заключенія, но это не касается настоящаго дѣла.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. О самомъ свойствѣ экзекуціи имѣете вы свѣдѣнія?

О. Это было часа въ два. Сидящіе внизу Дома предварительнаго заключенія, въ первыхъ нумерахъ, сказали, что производится экзекуція предъ ихъ камерами, сначала этому многіе не повѣрили думали, что это обманъ, хотя тѣ увѣряли, что слышали даже стоны, но потомъ черезъ нѣкоторое время пришелъ одинъ изъ начальствующихъ и сказалъ, что производится экзекуція.

Предсѣдатель. Какимъ образомъ сообщило вамъ начальство?

О. У насъ есть обыкновеніе, что управляющій и его помощникъ выходятъ на дворъ и разговариваютъ съ нами.

Свидѣтельница *Чарушина* (урожденная Кувшинская).

Предсѣдатель. Вы знаете Засуличъ?

О. Нѣтъ.

В. Вамъ не приходилось разсказывать ей о боголюбовской исторіи?

О. Нѣтъ.

В. Вы имѣли свиданія?

О. Имѣла.

В. Вы разсказывали кому-либо объ этомъ происшествіи?

О. Разсказывала.

В. Вы вызывались какъ свидѣтельница къ судебному слѣдователю по дѣлу о безпорядкахъ 13 іюля въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Да.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Какія свѣдѣнія имѣете вы о происшествіи 13 іюля.

О. Я собственно видѣла приготовленіе къ сѣченію. Я помѣщалась въ верхней камерѣ, изъ которой прекрасно видѣнъ выходной дворъ. Около 10 ч. утра, я не ручаюсь за вѣрность - этотъ день былъ такой ужасный для заключенныхъ, но приблизительно это было такъ—стали доноситься до насъ шумъ, гулъ, крики; но впослѣдствіи оказалось, что это былъ шумъ, который доносился на женское отдѣленіе съ мужского отдѣленія. Потомъ началось движеніе необыкновенное, начали ходить толпы городовыхъ, я не могу сказать, сколько времени это продолжалось, но видѣла двѣ или три толпы, человѣкъ по 20—30. На женскомъ отдѣленіи тоже что-то произошло, чувствовалось, что случилось что-то необыкновенное. Наконецъ, предположенія стали дѣлаться болѣе точными. Противъ нашихъ оконъ, на проходномъ дворѣ были два

сарая, вдругъ двери раскрылись и оттуда вытащили огромныя вязанки розогъ и начали дѣлать изъ нихъ небольшіе пучки: стало ясно, что приготовляется, что готовится что-то тяжелое, всѣ начали догадываться — экзекуція..... Я не могу не волноваться при этомъ воспоминаніи. Когда вязали розги вяжущіе дѣлали жестами угрожающія движенія смотря на наши окна и по направленію къ мужскому отдѣленію.

В. Солдаты вязали?

О. Да, солдаты и служителя Дома предварительнаго заключенія.

В. Это произвело волненіе?

О. Да, волненіе было очень сильное. Требовали, чтобы пришелъ кто-нибудь изъ администраціи, чтобы спросить, что это значитъ, но на это требованіе никто не являлся. Собственно говоря, волненіе выражалось въ томъ, въ чемъ можетъ выразиться волненіе человѣка запертаго.

В. Что произошло послѣ этого волненія?

О. И послѣ этого продолжали вязать розги, но вязаніе происходило уже въ сараѣ. Когда же проносили ихъ черезъ дворъ, то прикрывали фалдами или палами платья.

В. Большое количество розогъ было приготовлено?

О. Да, довольно большое количество, но точно сказать не могу, было не 5, ни 6, ни 8 пунковъ, но больше.

Предсѣдатель приглашаетъ *Курнѣева*.

Товарищъ прокурора. Вы были опрошены судебнымъ слѣдователемъ по дѣлу о безпорядкахъ въ Домѣ предварительнаго заключенія?

О. Да.

В. Въ какомъ качествѣ?

О. На меня была жалоба.

В. Въ качествѣ обвиняемаго?

О Да.

Присяжный повѣренный *Александровъ*. Я просилъ бы позволенія пояснить это обстоятельство, такъ какъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ неизвѣстно. Я просилъ судъ объ извлеченіи справокъ изъ этого слѣдствія, но мнѣ было отказано. Такъ какъ теперь вопросъ объ этомъ дѣлѣ поднятъ заявленіемъ вашего превосходительства и прокуроромъ предъ присяжными засѣдателями, я просилъ бы предложить маіору Курнѣеву вопросъ: въ качествѣ чего онъ привлеченъ къ этому дѣлу?

Курнѣевъ. Въ качествѣ обвиняемаго по жалобѣ подсудимыхъ, что, будто бы, по моему распоряженію ихъ били.

В. Послѣ чего?

О. Послѣ того, какъ ихъ сажали за буйство въ карцеръ.

В. Такъ, что ваше обвиненіе не имѣютъ никакого отношенія къ наказанію Боголюбова?

О. Нѣтъ, никакого отношенія.

Предсѣдатель. Подсудимая Засуличъ, свидѣтельскія показанія окончены, что вы можете сказать?

Засуличъ. О происшествіи 13 іюля и о мотивахъ его я слышала въ Петербургѣ отъ разныхъ лицъ, съ которыми встрѣчалась. Разсказывали о томъ, какъ въ камеры врывались солдаты, какъ сажали въ карцеръ; потомъ я слышала, что Боголюбову было дано не 25 ударовъ, а наказывали до тѣхъ поръ, пока окоченѣлъ. Я по собственному опыту знаю, до какого страшнаго нервнаго напряженія доводитъ долгое одиночное заключеніе. А большинство изъ содержавшихся въ то время въ Домѣ Предварительнаго Заключенія политическихъ арестантовъ просидѣло уже по 3 и по 3½ года, уже многіе изъ нихъ съ ума посходили, самоубійствомъ покончили. Я могла живо вообразить, какое адское впечатлѣніе должна была произвести экзекуція на всѣхъ политическихъ арестантовъ, не говоря уже о тѣхъ, кто самъ подвергся сѣченію, побоямъ, карцеру, и какую жестокость надо было имѣть для того, чтобы заставить

ихъ все это вынести, по поводу неснятой при вторичной встрѣчѣ, шапки. На меня все это произвело впечатлѣніе не наказанія, а надругательства, вызваннаго какой-то личною злобой. Мнѣ казалось, что такое дѣло не можетъ, не должно пройти безслѣдно. Я ждала не отзовется ли оно хоть чѣмъ-нибудь, но все молчало и въ печати не появлялось больше ни слова, и ничто не мѣшало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такія же расправы, — вѣдь такъ легко забыть при вторичной встрѣчѣ шапку снять, — такъ легко найти другой, подобный же ничтожный предлогъ. Тогда, не видя никакихъ другихъ средствъ къ этому дѣлу, я рѣшилась, хоть цѣною собственной гибели, доказать, что нельзя быть увѣреннымъ въ безнаказанности, такъ ругаясь надъ человѣческою личностью, я не нашла, не могла найти другого способа обратить вниманіе на это происшествіе... Я не видѣла другого способа... Страшно поднять руку на человѣка, но я находила, что должна это сдѣлать.

Предсѣдатель. Разскажите, какъ вы это сдѣлали, послѣ какого промежутка времени, за долго ли до этого рѣшились?

Засуличъ. Сказать опредѣленно не могу, можетъ быть за недѣлю.

Предсѣдатель. Вы въ первый разъ въ Петербургѣ узнали о подробностяхъ?

Засуличъ. Да, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Предсѣдатель. Когда вы отправились къ генералъ-адъютанту Трепову, вы желали его убить?

Засуличъ. Нѣтъ, мнѣ было все равно, убить или ранить.

Предсѣдатель. Что вы хотѣли этимъ сдѣлать?

Засуличъ. Я хотѣла показать этимъ, что нельзя безнаказанно такъ поступать, надругаться надъ человѣкомъ.

Предсѣдатель. Въ вашемъ объясненіи записано, что вы хотѣли отомстить?

Засуличъ. Да я хотѣла сбратить вниманіе общественнаго мнѣнія на это происшествіе и сдѣлать не такъ легкимъ надруганіе надъ человѣческимъ достоинствомъ.

Предсѣдатель. Когда вы стрѣляли, вы цѣлились въ какое-нибудь опредѣленное мѣсто?

Засуличъ. Нѣтъ, я стрѣляла наудачу, такъ что если бы я была больше ростомъ или градоначальникъ меньше, я бы, можетъ быть, убила его.

Предсѣдатель. Вы сидѣли по какому дѣлу?

Засуличъ. Я была свидѣтельницей по Нечаевскому дѣлу и просидѣла въ тюрьмѣ годъ и 10 мѣсяцевъ.

Предсѣдатель. Какого рода были у васъ занятія?

Засуличъ. Я училась въ Московскомъ пансіонѣ и кончила курсъ. Но мнѣ трудно говорить обо всѣхъ подробностяхъ, я разсказала свою біографію моему защитнику, можетъ быть, онъ разскажетъ ее суду.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Въ моихъ бесѣдахъ съ подсудимою, она передала мнѣ многія біографическія подробности и заявила, что ей было бы тяжело самой разсказывать это передъ судомъ. Я думаю, что судъ разрѣшитъ мнѣ, въ моей рѣчи указывать на тѣ біографическія подробности, которыя могутъ имѣть отношеніе къ настоящему дѣлу. Если я получу увѣренность въ этомъ, тогда подсудимая не будетъ входить въ объясненія, но если мнѣ будетъ отказано, то я прошу дать ей средства, хотя съ нѣкоторымъ усиліемъ, разсказать свою жизнь.

Предсѣдатель. Здѣсь вопросъ другой,—здѣсь идетъ вопросъ о мѣстѣ воспитанія ея. Подсудимая, гдѣ вы учились?

Засуличъ. Я училась въ Москвѣ, потомъ я училась въ заведеніи и имѣю званіе повивальной бабки, но мнѣ трудно говорить о всѣхъ подробностяхъ.

Товарищъ прокурора. Какъ мнѣ ни тяжело не согласиться

съ желаніемъ защиты разсказать біографическія подробности о подсудимой въ защитительной рѣчи, но, такъ какъ тогда для меня могутъ явиться нѣкоторыя неожиданности въ рѣчи защиты, то я желалъ бы дать возможность разсказать самой подсудимой.

Подсудимая. Въ нѣсколькихъ словахъ я могу теперь разсказать.

Присяжный повѣренный *Александровъ.* Я желалъ бы отложить біографическія подробности до конца судебнаго слѣдствія.

Предсѣдатель пригласилъ *экспертовъ*: Склифассовскаго, Барча, Дункана, Баталина и Богдановскаго, бывшихъ въ залѣ засѣданія во все время судебнаго слѣдствія, дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: на какомъ разстояніи могла быть нанесена рана, и къ какого рода поврежденіямъ относится эта рана, къ тяжкимъ или легкимъ?

Эксперты единогласно высказали мнѣніе, что выстрѣлъ произведенъ въ упоръ, такъ что сюртукъ былъ обожженъ, и что рана принадлежитъ къ разряду тяжкихъ. Въ настоящее время состояніе больного сравнительно удовлетворительно, однако же, тѣмъ не менѣе рана еще гноится, и пуля, оставшаяся въ тѣлѣ, можетъ образовать затекъ или инымъ образомъ можетъ подвергнуть жизнь опасности. Вообще опредѣлить исходъ раны въ настоящее время совершенно невозможно. По окончаніи экспертизы *предсѣдатель* предложилъ подсудимой разсказать ея біографію.

Подсудимая. Въ мартѣ 1867 г. я вышла изъ пансіона, выдержала экзаменъ на домашнюю учительницу и поступила на мѣсто писца къ мировому судьѣ въ Серпуховѣ. Осенью 1868 года я пріѣхала въ Петербургъ, жила съ матерью, ходила работать въ переплетную, и, кромѣ того, ходила въ школу для учителей, чтобы обучиться звуковому способу преподаванія. Тамъ познакомилась съ Нечаевымъ, который свелъ меня со своими знакомыми, получалъ на мое имя письма, а уѣхавъ за границу, присылалъ письма на мой адресъ. Въ апрѣлѣ 1869 года у меня сдѣлали обыскъ, ничего

ровно не нашли; мать во время обыска заявила, что мы въ Москву собираемся, на дачу. Послѣ этого, почти каждый день, изъ участка приходилъ городовой справляться, когда мы выѣзжаемъ. Выѣхали мы 30 апрѣля и въ Москвѣ, на вокзалѣ, были арестованы. Переночевали въ части и на другой день отправились съ двумя жандармами въ Петербургъ, прямо въ III отдѣленіе. Мать отпустили, а меня свезли въ Литовскій замокъ, гдѣ я просидѣла до мая 1870 года. Въ первую же недѣлю ареста заѣхалъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и спросилъ, что я имѣю показать, прибавивъ, что отъ моихъ показаній будетъ зависѣть мое освобожденіе. Я отвѣчала, что даже не знаю, за что я арестована и никакъ не могу «имѣть что-нибудь показать». Съ тѣхъ поръ меня цѣлый годъ никуда не вызывали и ни о чемъ не допрашивали, такъ что я даже начала думать, что меня забыли въ тюрьмѣ. Въ маѣ меня перевели въ крѣпость и допрашивали въ чамодуровской комиссіи. Наконецъ, въ мартѣ 1871 года, на пятой недѣлѣ поста, меня освободили и на Святой опять арестовали въ 1-мъ часу ночи и посадили въ пересыльную. Въ пересыльной ко мнѣ ходила сестра, носила мнѣ провизію, лакомства, книги, но ни денегъ, ни одежды не принесла; высылка намъ въ голову не приходила, думали, что это недоразумѣніе, такъ какъ прокуроръ, при освобожденіи, объявилъ мнѣ, что я оказалась ни въ чемъ невиновною и вполнѣ свободна. На пятый день меня съ двумя жандармами отправили въ Крестцы, привезли къ исправнику, и онъ отпустилъ меня на всѣ четыре стороны съ 2 рублями въ карманѣ и въ одномъ платьѣ. Нашлись добрые люди, согласившіеся въ домѣ дать мнѣ комнату и кормить меня Въ іюнѣ, вслѣдствіе моего прошенія о «кормовыхъ» и заявленія зятя (тоже ссыльнаго), что онъ можетъ меня содержать, я была переведена въ Тверь, затѣмъ была на судѣ свидѣтельницей, а послѣ суда снова отправлена съ жандармами туда же. Въ 1872 году, лѣтомъ, зятя, по подозрѣнію въ даваніи

семинаристамъ запрещенныхъ книгъ, перевели въ Солигаличъ Костромской губ., а меня—послѣ ихъ отъѣзда, арестовали, возили для допроса о семинаристахъ въ Петербургъ, и затѣмъ тоже въ Солигаличъ отправили. Въ декабрѣ 1873 года перевели въ Харьковъ, гдѣ я и оставалась подъ надзоромъ полиціи и безъ права выѣзда изъ него до сентября 1875 года.

Судебное слѣдствіе объявлено было оконченнымъ.

Товарищъ прокурора *Кессель*. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! По дѣламъ выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, стороны, приступая къ изложенію своихъ доводовъ, нерѣдко прилагаютъ много усилій къ тому, чтобы обратить ваше вниманіе на важность дѣла и на то значеніе, которое будетъ имѣть вашъ приговоръ по этому дѣлу.

Позвольте мнѣ не слѣдовать этому примѣру.

Я дѣлаю это потому, что знаю, что вы обращаете одинаковое вниманіе на всѣ дѣла, которыя подлежатъ вашему разсмотрѣнію; я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, дѣйствительно, что важное дѣло не нуждается ни въ какихъ усиліяхъ для того, чтобы поставить его на какой-то особый пьедесталъ. А между тѣмъ эти усилія поставить дѣло на пьедесталъ, это, такъ сказать, муссированье дѣла, несовмѣстно съ тѣмъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которое необходимо для всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла. Поэтому позвольте мнѣ прямо приступить къ изложенію обстоятельствъ дѣла.

Я обвиняю подсудимую Засуличъ въ томъ, что она имѣла заранѣе обдуманное намѣреніе лишить жизни градоначальника Трепова и что 24 января, придя съ этой цѣлью къ нему на квартиру, выстрѣлила въ него изъ револьвера. Кромѣ того я утверждаю, что Засуличъ сдѣлала все, что было необходимо для того, чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Изъ этого вы видите, что мое обвиненіе нѣсколько разнится

отъ того сознанія, которое вы слышали отъ самой обвиняемой. По ея словамъ, которыя вы слышали, у нея существовало безразличное намѣреніе: или убить или ранить градоначальника Трепова. Такимъ образомъ, по словамъ Засуличъ, она имѣла то, что юристы называютъ альтернативнымъ умысломъ и что въ общежитіи называется условнымъ намѣреніемъ. Я утверждаю, что дѣло было не такъ; но прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ, я считаю нужнымъ сказать, какъ слѣдуетъ смотрѣть на сознаніе обвиняемаго. Всякому извѣстно, что человѣкъ по свойству своей природы, стремится къ тому, чтобы устранить все для него непріятное: каждый человѣкъ, обладающій умственными способностями, взрослый, живущій въ обществѣ, знаетъ, что за преступленіе закономъ полагается непріятное для преступника послѣдствіе; если несмотря на все это, человѣкъ взрослый, живущій въ обществѣ, обладающій умственными способностями сознается въ преступленіи, то изъ этого можно выводить одно только заключеніе, что преступленіе дѣйствительно совершено лицомъ сознающимся. Такимъ образомъ, сознаніе служитъ достаточнымъ доказательствомъ тѣхъ фактовъ, относительно которыхъ оно дѣлается. Но это правило не безусловно.

Бываютъ случаи, когда человѣкъ, въ силу указаннаго уже свойства своей природы, сознаваясь, умалчиваетъ,—вольно или невольно, умышленно или неумышленно—о нѣкоторыхъ фактахъ дѣла или, не скрывая фактовъ, придаетъ имъ не то значеніе, которое они въ дѣйствительности имѣли.

Я сказалъ все это для того, чтобы объяснить, почему я вовсе не желаю упрекать Засуличъ въ томъ, что она сознается, по моему мнѣнію, не вполнѣ: законъ, какъ вамъ извѣстно, даетъ подсудимому право даже вовсе не отвѣчать на вопросы, которые ему предлагаются; законъ поступаетъ такимъ образомъ потому, что обвиняемому, въ силу человѣческой природы, весьма естественно и

свойственно, умышленно или неумышленно, придавать фактамъ не то значеніе, которое они имѣютъ.

Затѣмъ я перехожу къ изложенію фактовъ настоящаго дѣла. Уже одинъ взглядъ на орудіе, которымъ совершено преступленіе, наводитъ на ту мысль, что у Засуличъ было намѣреніе не только ранить, но и убить. Если бы этого намѣренія не было, то можно было бы дѣйствовать оружіемъ менѣе смертоноснымъ. Но мало того, что самое оружіе указываетъ на цѣль преступленія, мало того, что покушеніе совершено при помощи огнестрѣльнаго оружія,—оно совершено наиболѣе сильнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вы слышали здѣсь показаніе свидѣтеля Лежена, который удостовѣрилъ, что кромѣ револьверовъ, называемыхъ бульдогами, къ числу которыхъ принадлежитъ и револьверъ, купленный для Засуличъ, существуетъ еще только одинъ родъ револьверовъ сильнѣе этихъ бульдоговъ, но эти послѣдніе револьверы употребляются единственно для медвѣжьей охоты, и по размѣру очень длинны. Слѣдовательно, такой револьверъ не могъ служить для цѣли Засуличъ. Подсудимая Засуличъ, какъ она сама говоритъ, пріобрѣла револьверъ только для того, чтобы произвести выстрѣлъ въ градоначальника Трепова; слѣдствіемъ уже доказано, что хотя она имѣла револьверъ, до совершенія преступленія, тѣмъ не менѣе для совершенія преступленія она пріобрѣла еще болѣе сильный, именно тотъ, который у нея былъ взятъ. Вы помните изъ показанія Лежена, что къ нему былъ принесенъ другой револьверъ, который гораздо длиннѣе бульдога, но бьетъ слабѣе бульдога. Мнѣ могутъ сказать, что Засуличъ давала одно только порученіе купить револьверъ и что для нея было безразлично, какой револьверъ будетъ купленъ.

Я утверждаю, что это не такъ.

Всякій человѣкъ, который исполняетъ какое-нибудь порученіе, старается исполнить его такъ, какъ оно ему было дано. Если было поручено купить револьверъ, и если купленъ весьма сильный, то изъ

этого можно вывести только одно заключеніе, что въ дѣйствительности было поручено купить именно сильный револьверъ. Затѣмъ, еслибы не требовался сильный револьверъ, то для чего же было покупать новый, когда въ рукахъ уже имѣлся револьверъ. Чей былъ револьверъ, отданный Лежену при покупкѣ бульдога? На этотъ вопросъ можно дать два отвѣта: или что револьверъ принадлежалъ неизвѣстному господину, исполнявшему порученіе Засуличъ, или что онъ принадлежалъ самой подсудимой. Если остановиться на первомъ предположеніи, то возникаютъ слѣдующіе вопросы: почему этотъ господинъ, получивъ простое порученіе купить револьверъ, не предложилъ свой; почему онъ выбиралъ другой и приплачивалъ 11 рублей къ тому, который у него былъ? 11 рублей сумма, правда, незначительная, но для Засуличъ достаточно важная.

Вы слышали, что она не имѣетъ особенныхъ средствъ къ жизни. Она акушерка, которая старается получить дипломъ на званіе домашней учительницы, все это занятія почтенныя, но, къ сожалѣнію, дающія много труда и мало средствъ къ жизни.

При такихъ условіяхъ, Засуличъ, еслибы она не имѣла особой цѣли, не стала бы приплачивать деньги за новый револьверъ, когда въ ея распоряженіи уже находился револьверъ и безъ этой приплаты. Если же отданный Лежену револьверъ принадлежалъ самой Засуличъ, то заключеніе является тоже самое: другой револьверъ купленъ только по тому, что именно нуженъ былъ револьверъ сильнѣе того, который имѣлся.

Но спрашивается, для чего же нуженъ былъ сильный револьверъ когда и слабымъ на такомъ близкомъ разстояніи можно было причинить значительное увѣчье. Разстояніе было такъ близко, что выстрѣлъ, произведенный на этомъ разстояніи, всѣ свидѣтели, а равно и всѣ эксперты, называютъ выстрѣломъ въ упоръ.

На этотъ вопросъ я отвѣчаю, что сильный револьверъ былъ нуженъ Засуличъ, потому что ей было мало вѣроятности достигнуть

цѣли своей, именно убійства; ей нужна была полная въ этомъ увѣренность и для этого ей необходимъ былъ сильный револьверъ. Но кромѣ того, есть другіе факты, доказывающіе тоже самое. Вы помните, что выстрѣлъ нанесенъ въ весьма опасное мѣсто—въ лѣвый бокъ. Каждый самый малосвѣдущій человѣкъ знаетъ устройство человѣческаго тѣла настолько, чтобы понимать, что выстрѣлъ сдѣланный въ этомъ направленіи чрезвычайно опасенъ. Что такая рана можетъ причинить смертельное поврежденье - Засуличъ должна была знать, тѣмъ болѣе, что она, по своей профессіи, знакома съ строеніемъ человѣческаго тѣла; она имѣетъ понятіе о внутреннемъ расположеніи органовъ тѣла и о томъ значеніи, которое имѣютъ эти органы для жизни человѣка.

Сопоставьте эти факты съ объясненіемъ Засуличъ, прибавьте ко всему этому заключеніе экспертовъ, которое вы отъ нихъ слышали и по единогласному заявленію которыхъ вы знаете, что выстрѣлъ причинилъ несомнѣнно тяжелое, поврежденіе что оно только случайно оказалось несмертельнымъ; что если бы пуля приняла нѣсколько иное направленіе, то исходъ былъ бы другой. Если вы сопоставите все это съ объясненіемъ Засуличъ, относительно безразличности для нея нанесенія раны или причиненія смерти, то вы придете къ тому же заключенію какъ и я, т. е. что она пріобрѣла револьверъ для того, чтобы, выстрѣливъ въ градоначальника Трепова, убить его; она, кромѣ того, выстрѣлила, почти въ упоръ и по такому направленію, по которому всего естественнѣе можно было ожидать смерти. Всѣ эти обстоятельства достаточно убѣждаютъ въ томъ, что она дѣйствительно покушалась на жизнь градоначальника Трепова.

Я теперь же хочу разсмотрѣть тѣ возраженія, которыя мнѣ могутъ быть сдѣланы защитою и которыя я предвижу по вопросамъ, предложеннымъ свидѣтелямъ во время судебнаго слѣдствія.

Мнѣ могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: если Засуличъ дѣйствительно желала сдѣлать выстрѣлъ, только съ цѣлью

причинить смерть, совершить убійство; если для нея было безразлично убить или ранить, то почему она не выстрѣлила въ то время, когда стояла лицомъ къ лицу съ градоначальникомъ? Почему потомъ, когда градоначальникъ Треповъ повернулся къ ней бокомъ, она не выстрѣлила нѣсколько выше и не убила наповалъ? Вѣдь она обладаетъ нѣкоторыми знаніями относительно расположенія внутреннихъ органовъ человѣка, слѣдовательно, легче другого могла направить свой выстрѣлъ прямо въ сердце

Я полагаю, что это возраженіе не имѣетъ значенія. Дѣйствительно, нѣсколько мгновеній, секундъ, градоначальникъ стоялъ лицомъ къ лицу съ Засуличъ, но въ это время они разговаривали: генералъ-адъютантъ Треповъ предлагалъ ей вопросы, на которые получалъ отвѣты, слѣдовательно, въ это время онъ смотрѣлъ на Засуличъ и, конечно, при малѣйшемъ ея движеніи, онъ какъ человѣкъ энергичный и рѣшительный, замѣтивъ дуло револьвера, сумѣлъ бы отразить ударъ. Но независимо отъ этого, я долженъ сказать, что я не причисляю Засуличъ къ разряду тѣхъ людей, которые могутъ безъ малѣйшей степени возбужденнаго состоянія стрѣлять въ человѣка, хотя бы они и задолго до этой минуты рѣшились на такое преступленіе: какъ бы Засуличъ твердо ни рѣшилась, все таки ею должно было овладѣть волненіе въ тотъ моментъ, когда ей пришлось приводить свое намѣреніе въ исполненіе; вотъ это то волненіе и было причиной того, что она потеряла нѣсколько секундъ, въ теченіе которыхъ градоначальникъ стоялъ передъ нею. Кромѣ того, я долженъ замѣтить, что всякій человѣкъ, который обдуманно рѣшается совершить убійство, конечно, прежде обставитъ дѣло такъ, чтобы оно совершилось наиболѣе удобно, такъ чтобы то дѣйствіе, которое направлено къ убійству, дѣйствительно вело къ этой цѣли. И конечно, такой человѣкъ легко сообразитъ что выстрѣлъ сзади или сбоку скорѣе поведетъ къ цѣли, нежели выстрѣлъ, произведенный прямо, стоя лицомъ къ лицу съ

своей жертвою, особенно въ томъ случаѣ, когда выстрѣлъ направляется въ человѣка, который при своей извѣстной энергіи и рѣшимости, легко можетъ предусмотрѣть и отклонить ударъ.

Но почему Засуличъ, когда градъ начальникъ Треповъ повернулся къ ней бокомъ, не выстрѣлила вѣрнѣе и не убила г. Трепова наповалъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я попрошу васъ вспомнить обстановку, при которой произведено покушеніе. Изъ показаній свидѣтелей Курнѣева, Греча и Цурикова вы знаете, что всѣ они находились близко отъ Засуличъ. Всѣ они находились тутъ для того, чтобы исполнять распоряженія градоначальника и наблюдать за порядкомъ. Мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы они не исполняли своей обязанности; если бы они что-нибудь замѣтили, то, конечно, тотчасъ же постарались бы предупредить происшествіе. Курнѣевъ показываетъ, что немедленно послѣ подачи прошенія, онъ показывалъ глазами Засуличъ, чтобы она уходила. Когда Засуличъ поняла, что ей необходимо уходить, когда она увидѣла, что оставалось только нѣсколько секундъ для приведенія намѣренія въ исполненіе, что Курнѣевъ обратился уже къ ней съ просьбой удалиться ей оставалось только произвести выстрѣлъ такъ, чтобы стоявшій близко отъ нея градоначальникъ не замѣтилъ этого выстрѣла. Она такъ и сдѣлала, она не подняла насколько нужно руку съ револьверомъ, она выстрѣлила не вынувъ револьвера изъ-подъ тальмы. Если бы она еще немного приподняла револьверъ, то это было бы замѣчено Курнѣевымъ и Гречемъ, которые бросились бы къ ней съ цѣлью отнять револьверъ. Прибавьте еще къ этому, гг. присяжные засѣдатели, то смущеніе, въ которомъ находилась Засуличъ; оно также было причиной того, что г. Треповъ не получилъ смертельной раны. Правда, свидѣтель Цуриковъ говоритъ, что онъ не замѣтилъ, чтобы Засуличъ была смущена послѣ происшествія, а Цуриковъ наблюдалъ за нею немедленно послѣ происшествія, но это было не спокойствіе, не хладнокровіе, это было оцѣпенѣніе,

наступающее въ человѣкѣ послѣ сильнаго нервнаго напряженія.

Итакъ, выстрѣлъ были произведенъ съ цѣлью причинить смерть градоначальнику, и если смерть не послѣдовала, то это произошло не потому, чтобы Засуличъ не желала смерти г. Трепова, а потому что обстоятельства сложились весьма благопріятно, потому еще, что потерпѣвшій обладаетъ чрезвычайно крѣпкимъ организмомъ и наконецъ вслѣдствіе благопріятнаго исхода теченія, о которомъ скромность господъ экспертовъ заставила ихъ умолчать.

Переходя къ тѣмъ объясненіямъ, которыми Засуличъ мотивируетъ свое преступленіе, я прежде всего заявляю, что ни порицать, ни оправдывать дѣйствія градоначальника Трепова я не буду по слѣдующимъ соображеніямъ: я не могу не помнить, что градоначальникъ Треповъ былъ спрошенъ по этому дѣлу въ качествѣ свидѣтеля; я не могу не помнить, что свидѣтель даетъ показаніе только о фактической сторонѣ дѣла, что онъ не можетъ входить въ объясненіе фактовъ, хотя бы они касались даже его собственныхъ дѣйствій. Какъ представитель обвинительной власти, я не могу отступить отъ того принципа, которымъ долженъ руководствоваться прокуроръ въ своихъ дѣйствіяхъ, и не могу судить человѣка, не выслушавши его объясненій. Повторяю, я не могу и не желаю переходить на ту почву, на которой мнѣ, вопреки указанному принципу, вопреки основнымъ началамъ нашего судопроизводства, пришлось бы смотрѣть какъ на подсудимаго, на человѣка, который является въ дѣлѣ свидѣтелемъ, т. е. въ настоящую минуту человѣка беззащитнаго. Но, независимо отъ всего этого, я нахожу подобнаго рода разборъ дѣйствій г. Трепова и совершенно излишнимъ. Я основываю это на слѣдующихъ соображеніяхъ: я вѣрю вполнѣ Засуличъ, что тѣ факты, которые она выставляетъ, какъ мотивъ своего поступка, представлялись ей въ томъ видѣ, въ какомъ она излагала ихъ здѣсь; я вѣрю и въ тѣ чувства, о которыхъ она здѣсь говорила. Я не желаю этимъ сказать, что признаю raison

d'être, правильность или неправильность этихъ чувствъ. Я просто принимаю ихъ, какъ факты, исходящіе изъ того общаго положенія, что каждый человѣкъ воленъ имѣть тѣ чувства, тѣ симпатіи и антипатіи, какія ему угодно. Никто не можетъ требовать отъ человѣка отчета въ его чувствахъ, и судъ менѣе чѣмъ кто-либо другой имѣетъ права, средства и желанія требовать такого отчета.

Но когда чувства переходятъ въ дѣйствія, когда симпатіи или антипатіи изъ области внутренней жизни человѣка переходятъ въ область внѣшняго міра, населеннаго другими людьми, тогда дѣло измѣняется; тогда является на сцену другое соображеніе, состоящее въ томъ, что никто не имѣетъ права производить такого рода дѣйствій, которыя нарушаютъ права, а тѣмъ болѣе касаются жизни другого лица. Каждый воленъ любить или ненавидѣть кого ему угодно, но никто не можетъ нарушать чужихъ правъ. Всякій человѣкъ, имѣющій здравый разсудокъ, долженъ понимать, что нельзя выражать свои чувства въ такихъ дѣйствіяхъ, въ какомъ выразила ихъ Засуличъ. Всякій человѣкъ, обладающій разумомъ и сердцемъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ выработать себѣ основные, для всѣхъ одинаковые и всѣмъ понятные принципы нравственности, долженъ понимать, что такого рода дѣйствія, какъ дѣйствія Засуличъ, ведутъ не къ благу общества, а къ тому, что на мѣсто разумныхъ чувствъ и той мудрости сердца, къ которымъ всѣ обязаны мы стремиться,—права гражданства въ жизни получаютъ грубые инстинкты, ведущіе къ общественной дезорганизаціи.

Вотъ почему судъ обязанъ потребовать отчетъ отъ человѣка, который выражаетъ свои чувства такъ, какъ выразила ихъ Засуличъ. Эта обязанность суда тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ важнѣе право, нарушенное подобнаго рода дѣйствіями; и нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что жизнь каждаго человѣка, будь онъ преступникъ или высокопоставленный общественный дѣятель, составляетъ такое право, обязанность защищать которое составляетъ самую настоя-

тельную и самую дорогую обязанность суда.

Засуличъ, конечно, понимаетъ, что указаніемъ на свои чувства она не можетъ оправдывать тѣхъ дѣйствій, которыя она совершила; она понимаетъ, что между ея чувствомъ и дѣйствіями существуетъ глубокая пропасть. Вотъ почему Засуличъ старается построить мостъ для перехода черезъ эту пропасть.

Она говоритъ, что была убѣждена, что дѣйствія, о которыхъ она слышала и которыми возмущалась, должны были чѣмъ-нибудь отразиться на томъ лицѣ, которое она считала виновникомъ ихъ. Она говоритъ, что хотѣла доказать, что нельзя безнаказанно производить подобнаго рода дѣйствій. Изъ этихъ словъ Засуличъ видно, что ея дѣйствія служили какъ бы выраженіемъ обязанности устранить явленія, которыя, по ея мнѣнію, были вредны обществу. Нѣтъ сомнѣнія, что обязанность каждаго человѣка помогать общественному развитію уничтоженіемъ всякихъ явленій, которыя препятствуютъ этому развитію. Это положеніе составляетъ несомнѣнную и всѣмъ извѣстную нравственную истину. Да, несомнѣнно, каждый человѣкъ обязанъ помогать общему развитію, но нѣтъ также сомнѣнія, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права возводить своихъ собственныхъ взглядовъ на степень судебнаго приговора,— этого единственнаго выразителя общественной совѣсти; ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права, при помощи подобной замѣны, прикрывать свои собственные взгляды ссылкою на обязанность. А какое право имѣла Засуличъ считать свое собственное рѣшеніе чѣмъ-то въ родѣ приговора суда? Какое право она имѣла присваивать своимъ взглядамъ тѣ послѣдствія, которое имѣетъ только судебный приговоръ? Конечно никакого, если не считать правомъ увѣренности въ своей непогрѣшимости, увѣренности чрезвычайно вредной, если за нею слѣдуетъ стремленіе осуществить свой взглядъ, свое мнѣніе, quand même, во чтобы-то ни стало.

Такимъ образомъ для оправданія своихъ дѣйствій недостаточно

сослаться на обязанность каждаго человѣка содѣйствовать развитію общества уничтоженіемъ вредныхъ общественныхъ явленій; необходимо, кромѣ того, имѣть полные, несомнѣнные и не подлежащіе опроверженію факты, доказывающіе, что взглядъ даннаго лица на извѣстное общественное явленіе вполнѣ солидаренъ со взглядомъ общества. Но и этого мало: необходимо еще подумать и о средствахъ, при помощи которыхъ данное лицо желаетъ провести этотъ взглядъ въ дѣйствительность. Здѣсь я считаю необходимымъ снова повторить замѣчаніе, сдѣланное мною, когда я говорилъ о чувствахъ. Каждый воленъ имѣть тѣ взгляды и убѣжденія, какія ему угодно, никто не можетъ требовать отчета относительно убѣжденій, но, равнымъ образомъ, никто не воленъ проводить въ жизнь такіе взгляды и убѣжденія, которые нарушаютъ право другихъ лицъ. Точно также никто не можетъ дѣйствовать способомъ, составляющимъ нарушеніе чужихъ правъ. Вотъ почему вопросъ о способахъ дѣйствія пріобрѣтаетъ громадное значеніе. Но разрѣшеніе этого, вопроса не представляетъ особыхъ затрудненій. «Поступай всегда такъ, чтобы то правило, на основаніи котораго ты дѣйствуешь могло быть признано за обязательное всѣми разумными существами»,—вотъ вѣками выработанная и всѣми признанная формула образа дѣйствій какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. А такъ какъ разумъ доставляетъ намъ неоспоримыя доказательства необходимости нравственности, то нравственныя дѣйствія и суть тѣ, которыя обязательны для каждаго разумнаго существа.

Въ практической жизни общія положенія, принципы нравственности осуществляются въ правовыхъ нормахъ; эти нормы выражаются закономъ, который путемъ отрицательнымъ, путемъ опредѣленія: чего нельзя дѣлать, указываетъ границы, за предѣлами которыхъ начинается область безнравственности. И такъ, въ практической жизни формула поведенія можетъ быть изложена слѣдующимъ образомъ: поступай всегда такъ, чтобы дѣйствія твои

были законны. Слѣдовательно, взявшись за исправленіе тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій, признаваемыхъ нами за вредныя, мы должны дѣйствовать средствами нравственными, средствами законными. Эти средства принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ, самыхъ быстрыхъ, ведущихъ прямо къ цѣли. И хотя въ числѣ этихъ средствъ нѣтъ мѣста самоуправству, но зато здѣсь мы находимъ то средство, которое называется судомъ, —хранителемъ справедливости, судомъ рѣшающимъ, что̀ право и что̀ не право. Но этотъ судъ требуетъ, чтобы человѣкъ, желающій исправлять злоупотребленія, самъ сначала искоренилъ бы изъ себя небрезгливость въ выборѣ средствъ и пріобрѣлъ бы желаніе понимать ту важную истину, которая заключается въ изреченіи: in legibus salus —въ законѣ спасеніе!

Время теперь обратиться снова къ разбору способа дѣйствій Засуличъ.

Я ни одной минуты не могу представить себѣ, чтобы Засуличъ считала тѣ средства, къ которымъ она прибѣгала, нравственными. Я не могу предположить этого потому, что вообще не допускаю въ нашемъ обществѣ возможности существованія такихъ людей которые, даже при самомъ поверхностномъ развитіи, при самыхъ смутныхъ понятіяхъ о нравственности, считали бы убійство за поступокъ нравственный. Остается, поэтому, предположить только одно: значитъ, по мнѣнію Засуличъ, цѣль оправдываетъ средства, флагъ прикрываетъ грузъ. Много, господа, было разнаго рода теорій, основанныхъ на болѣе или менѣе смѣлыхъ софизмахъ, которые причиняли обществу много вреда, много бѣдствій, но не было ни одного софизма, который причинилъ столько вреда, сколько этотъ.

И нужно удивляться, что находятся еще люди, которые предполагаютъ, что при помощи безнравственныхъ средствъ можно достигнуть нравственныхъ цѣлей. Нужно удивляться, какъ эти люди не могутъ понять того, что нѣтъ ни одного явленія и факта внутренней или внѣшней жизни, которые не оказывали бы

вліянія на другіе, не только ближайшіе, но и самые отдаленные факты и явленія; нужно удивляться какъ эти люди не хотятъ понять, что если, по ихъ мнѣнію, цѣль можетъ смягчать вредное значеніе дурныхъ средствъ, употребленныхъ для достиженія этой благой, по ихъ мнѣнію, цѣли, то, съ своей стороны, и эти средства должны также оказывать вліяніе на характеръ цѣли, для достиженія которой они употреблены. Нужно удивляться, какъ не хотятъ понять, что дурное средство, употребленное для достиженія благой, будто бы, цѣли, само является фактомъ, требующимъ уничтоженія.

И посмотрите съ какой безпощадной суровостью Засуличъ стремилась къ достиженію предположенной ею цѣли! Самоувѣренно предположивъ, что ея взглядъ вполнѣ солидаренъ со взглядами общества, получивъ о Боголюбовскомъ дѣлѣ свѣдѣнія отъ лицъ, не бывшихъ очевидцами этого событія, т. е. изъ третьихъ рукъ, Засуличъ сочла возможнымъ устроить какой-то тайный судъ надъ лицомъ, сдѣлавшимъ извѣстныя распоряженія. Устроивъ тайный судъ, она сочла возможнымъ соединить въ своемъ лицѣ и прокурора и защитника и судью; она считала возможнымъ постановить смертный приговоръ, который, она же, молодая женщина, и привела въ исполненіе, къ счастью, не удавшееся. Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобнаго рода средства не преступны. Я вполнѣ увѣренъ въ вашемъ согласіи съ тѣмъ, что каждый общественный дѣятель, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ право на судъ законный, а не на судъ Засуличъ. Я увѣренъ также въ вашемъ согласіи, что никакая общественная жизнь никакая общественная организація не возможна тамъ, гдѣ общественные дѣятели, администраторы, судьи, земскіе дѣятели, публицисты, вынуждены были бы помнить, что какъ бы они ни поступали, а съ той или съ другой стороны, на нихъ всетаки будетъ направленъ револьверъ. Я думаю, что эти общественные дѣятели имѣютъ право на то, на что имѣетъ право каждый человѣкъ, право на жизнь.

Я кончилъ. Я утверждаю, что, обвиняя Засуличъ, я защищаю жизнь человѣка, и заключаю свою рѣчь тѣми же словами, которыми окончила Засуличъ: «Страшно поднять руку на жизнь человѣка». И я твердо увѣренъ, что въ глубинѣ убѣжденій Засуличъ существуетъ горькое, но правдивое сознаніе, что не только въ вашихъ, но даже въ ея собственныхъ глазахъ, никакія самыя краснорѣчивыя разсужденія не сотрутъ пятенъ крови съ рукъ, покусившихся на убійство.

Присяжный повѣренный *Александровъ*.

Господа присяжные засѣдатели! Я выслушалъ благородную, сдержанную рѣчь товарища прокурора, и со многимъ изъ того, что сказано имъ, я совершенно согласенъ; мы расходимся лишь въ весьма немногомъ, но тѣмъ не менѣе задача моя, послѣ рѣчи г. прокурора, не оказалась облегченной. Не въ фактахъ настоящаго дѣла, не въ сложности ихъ лежитъ его трудность; дѣло это просто по своимъ обстоятельствамъ, до того просто, что если ограничиться однимъ только событіемъ 24 января, тогда почти и разсуждать не придется. Кто станетъ отрицать, что самоуправное убійство есть преступленіе, кто будетъ отрицать то, что утверждаетъ подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы. Все это истины, противъ которыхъ нельзя спорить, но дѣло въ томъ, что событіе 24 января не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ другого случая, оно такъ связуется, такъ переплетается съ фактомъ, совершившимся въ Домѣ предварительнаго заключенія 13 іюля, что если непонятнымъ будетъ смыслъ покушенія, произведеннаго В. Засуличъ на жизнь генералъ-адъютанта Трепова то его можно уяснить, только сопоставляя это покушеніе съ тѣми мотивами, начало которыхъ положено было происшествіемъ въ Домѣ предварительнаго заключенія. Въ самомъ сопоставленіи, собственно говоря, не было бы ничего труднаго; очень нерѣдко разбирается не только такое преступленіе, но и тотъ фактъ, который

далъ мотивъ этому преступленію. Но въ настоящемъ дѣлѣ эта связь до нѣкоторой степени усложняется, и разъясненіе ея затрудняется. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что распоряженіе генералъ-адъютанта Трепова было *должностное распоряженіе.* Но должностное лицо мы теперь не судимъ, и генералъ-адъютантъ Треповъ является здѣсь, въ настоящее время, не въ качествѣ подсудимаго должностного лица, а въ качествѣ свидѣтеля, лица потерпѣвшаго отъ преступленія: кромѣ того, чувство приличія, которое мы не рѣшились бы переступить въ защитѣ нашей, и которое не можетъ не внушить намъ извѣстной сдержанности относительно генералъ-адъютанта Трепова, какъ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія,—я очень хорошо понимаю, что не могу касаться дѣйствій должностного лица и обсуждать ихъ такъ, какъ они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоитъ въ качествѣ подсудимаго. Но изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ находится защита въ этомъ дѣлѣ, можно, мнѣ кажется, выйти слѣдующимъ образомъ. Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мнѣ въ видѣ двуликаго Януса, поставленнаго въ храмѣ на горѣ, одна сторона этого Януса обращена къ закону, къ начальству, къ суду, она имъ освѣщается и обсуждается, обсужденіе здѣсь полное, вѣское, правдивое. Другая сторона обращена къ намъ, простымъ смертнымъ, стоящимъ въ притворѣ храма, подъ горой. На эту сторону мы смотримъ, и она бываетъ не всегда одинаково освѣщена для насъ. Мы къ ней подходимъ иногда только съ простымъ фонаремъ, съ грошевой свѣчкой, съ тусклою лампой, многое для насъ темно, многое наводитъ насъ на такія сужденія, которыя не согласуются со взглядами начальства, суда на тѣ же дѣйствія должностного лица. Но мы живемъ въ этихъ, можетъ быть, иногда, и ошибочныхъ понятіяхъ, на основаніи ихъ мы питаемъ тѣ или другія чувства къ должностному лицу, порицаемъ его или славословимъ его, любимъ или остаемся къ нему

равнодушны, радуемся, если находимъ распоряженія вполнѣ справедливыми. Когда дѣйствія должностного лица становятся мотивомъ для нашихъ дѣйствій, за которыя мы судимся и должны отвѣтствовать, тогда важно имѣть въ виду не только то, правильны или неправильны дѣйствія должностного лица съ точки зрѣнія закона, а какъ мы сами смотрѣли на нихъ. Не сужденія закона о должностномъ дѣйствіи, а наши воззрѣнія на него должны быть приняты, какъ обстоятельства, обусловливающія степень нашей отвѣтственности. Пусть эти воззрѣнія будутъ и неправильны, они вѣдь имѣютъ значеніе не для суда надъ должностнымъ лицомъ, а для суда надъ нашими поступками, соображенными съ тѣми или другими, руководившими насъ понятіями. Чтобы вполнѣ судить о мотивѣ нашихъ поступковъ, надо знать, какъ эти мотивы отразились въ нашихъ понятіяхъ. Такимъ образомъ, въ моемъ сужденіи о событіи 13 іюня не будетъ обсужденія дѣйствій должностного лица, а только разъясненіе того, какъ отразилось это событіе на умѣ и убѣжденіяхъ Вѣры Засуличъ. Оставаясь въ этихъ предѣлахъ, я полагаю, не буду судьею дѣйствій должностного лица и затѣмъ надѣюсь, что въ этихъ предѣлахъ мнѣ будетъ дана необходимая законная свобода слова и вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ оказано снисхожденіе, если я съ нѣкоторой подробностью остановлюсь на такихъ обстоятельствахъ, которыя съ перваго взгляда могутъ и не казаться прямо относящимися къ дѣлу. Являясь защитникомъ В. Засуличъ, по ея собственному избранію, выслушавъ отъ нея, въ моихъ бесѣдахъ съ нею, многое, что она находила нужнымъ передать мнѣ, я невольно впадаю въ опасеніе не быть полнымъ выразителемъ ея мнѣнія и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, можетъ имѣть значеніе для ея дѣла.

Я могъ бы теперь начать прямо со случая 13-го іюля, но нужно прежде изслѣдовать почву, которая обусловила связь между 13 іюля и 24 января. Эта связь лежитъ во всемъ прошедшемъ

во всей жизни В. Засуличъ. Разсмотрѣть эту жизнь весьма поучительно; поучительно разсмотрѣть ее не только для интересовъ настоящаго дѣла, не только для того, чтобы опредѣлить, въ какой степени виновна В. Засуличъ, но ея прошедшее поучительно и для извлеченія изъ него другихъ матеріаловъ, нужныхъ и полезныхъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ, которые выходятъ изъ предѣловъ суда: для изученія той почвы, которая у насъ нерѣдко производитъ преступленія и преступниковъ. Вамъ сообщены уже о В. Засуличъ нѣкоторыя біографическія данныя; онѣ не длинны, и мнѣ придется остановиться только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вы помните, что 17-ти лѣтъ, по окончаніи образованія въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, послѣ того какъ она выдержала съ отличіемъ экзаменъ на званіе домашней учительницы, Засуличъ вернулась въ домъ своей матери. Старуха мать ея живетъ здѣсь въ Петербургѣ. Въ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени, 17-ти лѣтняя дѣвушка имѣла случай познакомиться съ Нечаевымъ и его сестрой. Познакомилась она съ нею совершенно случайно, въ учительской школѣ, куда она ходила изучать звуковой методъ преподаванія грамоты. Кто такой былъ Нечаевъ, какіе его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не зналъ его въ Россіи, онъ считался простымъ студентомъ, который игралъ нѣкоторую роль въ студенческихъ волненіяхъ, не представлявшихъ ничего политическаго. По просьбѣ Нечаева В. Засуличъ согласилась оказать ему нѣкоторую весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала отъ него письма и передавала ихъ по адресу, ничего, конечно, не зная о содержаніи самихъ писемъ. Впослѣдствіи оказалось, что Нечаевъ государственный преступникъ, и ея совершенно случайныя отношенія къ Нечаеву послужили основаніемъ къ привлеченію ея, въ качествѣ подозрѣваемой въ государственномъ преступленіи, по извѣстному нечаевскому дѣлу. Вы помните изъ разсказа В. Засуличъ, что двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія стоило ей

это подозрѣніе. Годъ она просидѣла въ Литовскомъ замкѣ и годъ въ Петропавловской крѣпости. Это были 18 и 19 года ея юности.

Годы юности, по справедливости, считаются лучшими годами въ жизни человѣка, воспоминанія о нихъ, впечатлѣнія этихъ лѣтъ остаются во всю жизнь. Недавній ребенокъ готовится стать созрѣвшимъ человѣкомъ. Жизнь представляется пока изъ ясною, казовою, обольстительною стороной, безъ мрачныхъ тѣней, безъ темныхъ пятенъ. Много переживаетъ юноша въ эти короткіе годы, и пережитое кладетъ слѣдъ на всю жизнь. Для мужчины это пора высшаго образованія; здѣсь пробуждаются первыя прочныя симпатіи, здѣсь завязываются товарищескія связи, отсюда выносится навсегда любовь къ мѣсту своего образованія, къ своей alma mater. Для дѣвицы годы юности представляютъ пору расцвѣта, полнаго развитія; переставъ быть дитятею, свободная еще отъ обязанностей жены и матери, дѣвица живетъ полною радостью, полнымъ сердцемъ. То пора первой любви, беззаботности, веселыхъ надеждъ, незабываемыхъ радостей, пора дружбы; то пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетнаго, къ чему потомъ любятъ обращаться воспоминаніями зрѣлая мать и старая бабушка. Легко вообразить, какъ провела Засуличъ эти лучшіе годы своей жизни, въ какихъ забавахъ, въ какихъ радостяхъ провела она это дорогое время, какія розовыя мечты волновали ее въ стѣнахъ Литовскаго замка и казематахъ Петропавловской крѣпости. Полное отчужденіе отъ всего, что за тюремной стѣной. Два года она не видала ни матери, ни родныхъ, ни знакомыхъ. Изрѣдка только черезъ тюремное начальство доходила вѣсть отъ нихъ, что всѣ, молъ, слава Богу, здоровы. Ни работы, ни занятій. Кое-когда только книга, прошедшая черезъ тюремную цензуру. Возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ и полная невозможность увидѣть что-либо черезъ тюремное окно. Отсутствіе воздуха, рѣдкія прогулки, дурной сонъ, плохое питаніе. Человѣческій образъ видится только

въ тюремномъ сторожѣ, приносящемъ обѣдъ, да въ часовомъ, заглядывающемъ, время отъ времени, въ дверное окно, чтобы узнать, что дѣлаетъ арестантъ. Звукъ отворяемыхъ и затворяемыхъ замковъ, бряцаніе ружей смѣняемыхъ часовыхъ, мѣрные шаги караула да уныло—музыкальный звонъ часовъ Петропавловскаго шпица. Вмѣсто дружбы, любви, человѣческаго общенія, одно сознаніе, что справа и слѣва, за стѣной такіе же товарищи по несчастію, такія же жертвы несчастной доли. Въ эти годы зарождающихся симпатій Засуличъ, дѣйствительно, создала и закрѣпила въ душѣ своей навѣки одну симпатію-беззавѣтную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужденъ влачить несчастную жизнь подозрѣваемаго въ политическомъ преступленіи. Политическій арестантъ, кто бы онъ ни былъ, сталъ ей дорогимъ другомъ, товарищемъ юности, товарищемъ по воспитанію. Тюрьма была для нея alma mater, которая закрѣпила эту дружбу, это товарищество. Два года кончились. Засуличъ отпустили, не найдя даже никакого основанія предать ее суду. Ей сказали: «иди» и даже не прибавили «и больше не согрѣшай», потому что прегрѣшеній не нашлось, и до того не находилось ихъ, что въ продолженіе 2 лѣтъ она всего только два раза была спрошена, и одно время серіозно думала, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, что она совершенно забыта. «Иди». Куда же итти? По счастью у нея есть куда итти—у нея здѣсь въ Петербургѣ старуха мать, которая съ радостью встрѣтитъ дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданіемъ; казалось, два тяжкіе года исчезли изъ памяти. Засуличъ была еще молода—ей было всего 21-ый годъ. Мать утѣшала ее и говорила: «Поправишься, Вѣрочка, теперь все пройдетъ, все кончилось благополучно». Дѣйствительно, казалось, страданія излѣчатся, молодая жизнь одолѣетъ и не останется слѣдовъ тяжелыхъ лѣтъ заключенія. Была весна, пошли мечты о лѣтней дачной жизни, которая не могла казаться земнымъ раемъ послѣ тюремной жизни, прошло 10 дней, полныхъ розовыхъ мечтаній Вдругъ

поздній звонокъ. Не другъ ли запоздалый? Оказывается не другъ, но и не врагъ, а мѣстный надзиратель. Объясняетъ онъ Засуличъ, что приказано ее отправить въ пересыльную тюрьму.

— Какъ въ тюрьму? Вѣроятно, это недоразумѣніе, я не привлечена къ Нечаевскому дѣлу, не предана суду, обо мнѣ дѣло прекращено судебною палатою и правительствующимъ сенатомъ.

— Не могу знать,— отвѣчаетъ надзиратель,—пожалуйте, я отъ начальства имѣю предписаніе взять васъ.

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнусъ, говоритъ:—«Завтра мы тебя навѣстимъ, мы пойдемъ къ прокурору, этотъ арестъ очевидное недоразумѣніе, дѣло объяснится, и ты будешь освобождена».

Проходятъ пять дней, В. Засуличъ сидитъ въ пересыльной тюрьмѣ съ полной увѣренностью скораго освобожденія.

Возможно ли, чтобы, послѣ того, какъ дѣло было прекращено судебною властью, не нашедшей никакого основанія въ чемъ бы то ни было обвинять Засуличъ, она, едва 20-лѣтняя дѣвица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная послѣ двухъ-лѣтняго тюремнаго заключенія.

Въ пересыльной тюрьмѣ навѣщаютъ ее мать, сестра, ей приносятъ конфекты, книжки, никто не воображаетъ, чтобъ она могла быть выслана, и никто не озабоченъ приготовленіями къ предстоящей высылкѣ.

На пятый день задержанія ей говорятъ: — «Пожалуйте, васъ сейчасъ отправляютъ въ городъ Крестцы».

— Какъ отправляютъ? да у меня ничего нѣтъ для дороги. Подождите, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ возможность дать знать родственникамъ, предупредить ихъ. Я увѣрена, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Окажите мнѣ снисхожденіе, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дамъ знать роднымъ.

— Нельзя,—говорятъ,—не можемъ по закону, требуютъ васъ немедленно отправить.

Разсуждать было нечего. Засуличъ понимала, что надо покориться закону, не знала только о какомъ законѣ тутъ рѣчь.

Поѣхала она въ одномъ платьѣ, въ легкомъ бурнусѣ; пока ѣхала по желѣзной дорогѣ, было сносно, потомъ поѣхала на почтовыхъ, въ кибиткѣ, между двухъ жандармовъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ, стало въ легкомъ бурнусѣ невыносимо холодно, жандармъ снялъ свою шинель и одѣлъ барышню. Привезли ее въ Крестцы, въ Крестцахъ сдали ее исправнику, исправникъ выдалъ квитанцію въ принятіи клади и говоритъ Засуличъ:—«идите, я васъ не держу, вы не арестованы. Идите и по субботамъ являйтесь въ полицейское управленіе такъ какъ вы состоите у насъ подъ надзоромъ».

Разсматриваетъ Засуличъ свои рессурсы, съ которыми ей приходится начать новую жизнь въ неизвѣстномъ городѣ. У нея оказывается рубль денегъ, французская книжка, да коробка шеколадныхъ конфектъ.

Нашелся добрый человѣкъ, дьячекъ, который помѣстилъ ее въ своемъ семействѣ. Найти занятіе въ Крестцахъ ей не представилось возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя было скрыть, что она выслана административнымъ порядкомъ. Я не буду затѣмъ повторять другія подробности, которыя разсказала сама В. Засуличъ.

Изъ Крестцовъ ей пришлось ѣхать въ Тверь, въ Солигаличъ, въ Харьковъ. Такимъ образомъ началась ея бродячая жизнь,—жизнь женщины, находящейся подъ надзоромъ полиціи. У нея дѣлали обыски, призывали для разныхъ спросовъ, подвергали иногда задержкамъ не въ видѣ арестовъ и, наконецъ, о ней совсѣмъ забыли.

Когда отъ нея перестали требовать, чтобы она еженедѣльно являлась на просмотръ къ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поѣхать въ Петербургъ и за тѣмъ съ дѣтьми своей сестры отправиться въ Пензенскую губернію.

Здѣсь она, лѣтомъ 1877 года, прочитываетъ въ первый разъ въ газетѣ «Голосъ» извѣстіе о наказаніи Боголюбова.

Да позволено мнѣ будетъ, прежде чѣмъ перейти къ этому извѣстію, сдѣлать еще маленькую экскурсію въ область розги.

Я не имѣю намѣренія, гг. присяжные засѣдатели, представлять вашему вниманію исторію розги, это завело бы меня въ область слишкомъ отдаленную, къ весьма далекимъ странницамъ нашей исторіи, ибо исторія русской розги весьма продолжительна. Нѣтъ, не исторію розги хочу я повѣствовать передъ вами, я хочу привести лишь нѣсколько воспоминаній о послѣднихъ дняхъ ея жизни.

Вѣра Ивановна Засуличъ принадлежитъ къ молодому поколѣнію. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли въ область преданій. Но мы люди предшествовавшаго поколѣнія, мы еще помнимъ то полное господство розогъ, которое существовало до 17 апрѣля 1863 г. Розга царила вездѣ: въ школѣ, на мірскомъ сходѣ, она была непремѣнной принадлежностью на конюшнѣ помѣщика, потомъ въ казармахъ, въ полицейскомъ управленіи .. Существовало сказаніе—апокрифическаго, впрочемъ, свойства—что гдѣ-то русская розга была приведена въ союзъ съ англійскимъ механизмомъ, и русское сѣченіе совершалось по всѣмъ правиламъ самой утонченной европейской вѣжливости. Впрочемъ, достовѣрность этого сказанія никто не подтверждалъ собственнымъ опытомъ. Въ книгахъ нашихъ уголовныхъ, гражданскихъ и военныхъ законовъ розга испещряла всѣ страницы. Она составляла какой-то легкій мелодическій перезвонъ въ общемъ громогласномъ гулѣ плети, кнута и шпицрутеновъ. Но наступилъ великій день—день, который чтитъ вся Россія—17 апрѣля 1863 г., и розга перешла въ область исторіи. Розга, правда, не совсѣмъ, но всѣ другія тѣлесныя наказанія миновали совершенно. Розга не была совсѣмъ уничтожена, но крайне ограничена. Въ то время было много опасеній за полное уничтоженіе розги, опасеній, которыхъ

не раздѣляло правительство, но которыя волновали нѣкоторыхъ представителей интеллигенціи. Имъ казалось вдругъ какъ-то неудобнымъ и опаснымъ оставить безъ розогъ Россію, которая такъ долго вела свою исторію рядомъ съ розгой,—Россію, которая, по ихъ глубокому убѣжденію, сложилась въ обширную державу и достигла своего величія едва ли не благодаря розгамъ. Какъ, казалось, вдругъ остаться безъ этого цемента, связующаго общественные устои? Какъ будто въ утѣшеніе этихъ мыслителей розга осталась въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и утратила свою публичность.

По какимъ соображеніямъ рѣшились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась какъ бы въ видѣ сувенира послѣ умершаго или удалившагося навсегда лица. Такіе сувениры обыкновенно пріобрѣтаются и сохраняются въ малыхъ размѣрахъ. Тутъ не нужно цѣлаго шиньона, достаточно одного локона; сувениръ, обыкновенно, не выставляется наружу, а хранится въ тайникѣ медальона, въ дальнемъ ящикѣ. Такіе сувениры не переживаютъ болѣе одного поколѣнія.

Когда въ исторической жизни народа нарождается какое либо преобразованіе, которое способно поднять духъ народа, возвысить его человѣческое достоинство, тогда подобное преобразованіе прививается и приноситъ свои плоды.

Такимъ образомъ и отмѣна тѣлеснаго наказанія оказала громадное вліяніе на поднятіе въ русскомъ народѣ чувства человѣческаго достоинства. Теперь сталъ позоренъ тотъ, который довелъ себя до наказанія розгами, теперь смѣшенъ и считается безчестнымъ тотъ крестьянинъ, который допуститъ себя наказать розгами.

Вотъ въ эту то пору, черезъ 15 лѣтъ послѣ отмѣны розогъ, которыя, впрочемъ, давно уже были отмѣнены для лицъ привилегированнаго сословія, надъ политическимъ осужденнымъ арестантомъ было совершено позорное сѣченіе. Обстоятельство это не могло укрыться отъ вниманія общества, о немъ заговорили въ Петер-

бургѣ, о немъ вскорѣ появляются газетныя извѣстія. И вотъ это и то газетныя извѣстія дали первый толчекъ мыслямъ В. Засуличъ. Короткое газетное извѣстіе о наказаніи Боголюбова розгами не могло не произвести на Засуличъ подавляющаго впечатлѣнія. Оно производило такое впечатлѣніе на всякаго, кому знакомо чувство чести и человѣческаго достоинства.

Человѣкъ по своему рожденію, воспитанію и образованію чуждый розги, человѣкъ, глубоко чувствующій и понимающій все ея позорное и унизительное значеніе, человѣкъ, который по своему образу мыслей, по своимъ убѣжденіямъ и чувствамъ не могъ бы безъ сердечнаго содроганія видѣть и слышать исполненіе позорной экзекуціи надъ другимъ, этотъ человѣкъ самъ долженъ былъ перенести на собственной кожѣ всеподавляющее дѣйствіе унизительнаго наказанія.

Какое, думала Засуличъ, мучительное истязаніе, какое презрительное поруганіе надъ всѣмъ, что составляетъ самое существенное достояніе развитого человѣка, и не только развитого, но и всякаго, кому не чуждо чувство чести и человѣческаго достоинства.

Не съ точки зрѣнія формальностей закона могла обсуждать В. Засуличъ наказаніе, произведенное надъ Боголюбовымъ, но и для нея не могло не быть яснымъ изъ самыхъ газетныхъ извѣстій, что Боголюбовъ, хотя и былъ осужденъ въ каторжныя работы, но еще не поступилъ въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, что надъ нимъ не было еще исполнено все то, что, по фикціи закона, отнимаетъ отъ человѣка честь, разрываетъ всякую связь его съ прошедшимъ и низводитъ его въ положеніе лишеннаго всѣхъ правъ. Боголюбовъ содержался еще въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ жилъ среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положеніе.

Нѣтъ, не съ формальной точки зрѣнія обсуждала В. Засуличъ

наказаніе Боголюбова, была другая точка зрѣнія, менѣе спеціальная, болѣе сердечная, болѣе человѣческая, которая никакъ не позволяла примириться съ разумностью и справедливостью произведеннаго надъ Боголюбовымъ наказанія.

Боголюбовъ былъ осужденъ за государственное преступленіе. Онъ принадлежалъ къ группѣ молодыхъ, очень молодыхъ людей, судившихся за преступную манифестацію на площади Казанскаго собора *).

Весь Петербургъ знаетъ объ этой манифестаціи, и всѣ съ сожалѣніемъ отнеслись тогда къ этимъ молодымъ людямъ, такъ опрометчиво заявившимъ себя политическими преступниками, къ этимъ такъ непроизводительно погубленнымъ молодымъ силамъ.

Судъ строго отнесся къ судимому дѣянію. Покушеніе явилось въ глазахъ суда весьма опаснымъ посягательствомъ на государственный порядокъ, и законъ примѣненъ съ подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступленіе не исключала возможности видѣть, что покушеніе молодыхъ людей было прискорбнымъ заблужденіемъ и не имѣло въ своемъ основаніи такихъ разсчетовъ, своекорыстныхъ побужденій, преступныхъ намѣреній, что напротивъ въ основаніи его лежало доброе увлеченіе, съ которымъ не

---

*) 6 декабря 1876 г. рѣшено было устроить на Казанской площади демонстрацію; о демонстраціи уже много говорили, нѣсколько разъ назначали, а потомъ отсрочивали ее, такъ что на послѣднемъ своемъ собраніи устроители демонстраціи рѣшили, что „демонстрація должна состояться, хотя бы на нее пришло всего нѣсколько сотъ человѣкъ“.

Полиція совмѣстно съ дворниками быстро разогнала манифестантовъ, было произведено около 20-ти арестовъ, но ни одинъ изъ видныхъ земледѣльцевъ взятъ не былъ. Число участниковъ демонстраціи простиралось до 300 человѣкъ.

По дѣлу о демонстраціи на Казанской площади пять человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ на 10—15 лѣтъ и десять человѣкъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

совладалъ молодой разумъ, живой характеръ и далъ имъ направиться на ложный путь, приведшій къ прискорбнымъ послѣдствіямъ.

Характерныя особенности нравственной стороны государственныхъ преступленій не могутъ не обращать на себя вниманія. Физіономія государственныхъ преступленій нерѣдко весьма измѣнчива. То, что вчера считалось государственнымъ преступленіемъ, сегодня или завтра становится высокочтимымъ подвигомъ гражданской доблести. Государственное преступленіе нерѣдко только рано-временно высказанное ученіе преждевременнаго преобразованія, проповѣдь того, что еще недостаточно созрѣло, и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственнаго преступника, не позволяетъ видѣть въ немъ презрѣннаго, отвергнутаго члена общества, не позволяетъ заглушить симпатій ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается въ немъ внѣ сферы его преступнаго дѣянія.

Мы въ настоящее славное царствованіе, тогда еще съ восторгомъ юности, привѣтствовали старцевъ, возвращенныхъ монаршимъ милосердіемъ изъ снѣговъ Сибири, этихъ государственныхъ преступниковъ, явившихся энергическими дѣятелями по различнымъ отраслямъ великихъ преобразованій, тѣхъ преобразованій, несвоевременная мечта о которыхъ стоила имъ годовъ каторги.

Боголюбовъ судебнымъ приговоромъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и присужденъ къ каторгѣ.

Лишеніе всѣхъ правъ и каторга—одно изъ самыхъ тяжкихъ наказаній нашего законодательства. Лишеніе всѣхъ правъ и каторга одинаково могутъ постигнуть самыя разнообразныя тяжкія преступленія, несмотря на все различіе ихъ нравственной подкладки. Въ этомъ еще нѣтъ ничего несправедливаго. Наказаніе, на сколько оно касается сферы права, измѣненія общественнаго положенія, лишенія свободы, принудительныхъ работъ — можетъ,

безъ особенно вопіющей неравномѣрности постигать преступника разнообразнаго характера. Разбойникъ, поджигатель, распространитель ереси, наконецъ, государственный преступникъ, могутъ быть, безъ явной несправедливости, уравнены постигающимъ ихъ наказаніемъ.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда безсиленъ проникнуть нивеллирующій законъ, гдѣ всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью.

Я разумѣю сферу умственнаго и нравственнаго развитія, сферу убѣжденій, вкусовъ, сферу всего того, что составляетъ умственное и нравственное достояніе человѣка.

Высокоразвитый, полный честныхъ нравственныхъ принциповъ, государственный преступникъ и безнравственный, презрѣнный разбойникъ или воръ могутъ одинаково, стѣна объ стѣну, тянуть долгіе годы заключенія, могутъ одинаково нести тяжкій трудъ рудниковыхъ работъ, но никакой законъ, никакое положеніе, созданное для нихъ наказаніемъ, не въ состояніи уравнять ихъ во всемъ томъ, что составляетъ умственную и нравственную сферу человѣка. Что, потому, для одного составляетъ ничтожное лишеніе, легкое взысканіе, то для другого можетъ составить тяжелую нравственную пытку, невыносимое безчеловѣчное истязаніе.

Законъ карающій можетъ отнять внѣшнюю честь, всѣ внѣшнія отличія, съ ней сопряженныя, но истребить въ человѣкѣ чувство моральной чести, нравственнаго достоинства, судебнымъ приговоромъ измѣнить нравственное содержаніе человѣка, лишить его всего того, что составляетъ неотъемлемое достояніе его развитія, никакой законъ не можетъ. И если законъ не можетъ предусмотрѣть всѣ нравственныя, индивидуальныя различія преступника, которыя обусловливаются ихъ прошедшимъ, то является на помощь общая, присущая человѣку нравственная справедливость, которая должна подсказать, что примѣнимо къ одному, и что было бы высшею несправедливостью въ примѣненіи къ другому.

Если, съ этой точки зрѣнія общей справедливости, смотрѣть на наказаніе, примѣненное къ Боголюбову, то понятнымъ станетъ то возбуждающее, тяжелое чувство негодованія, которое овладѣвало всякимъ неспособнымъ безучастно относиться къ нравственному истязанію надъ ближнимъ.

Съ чувствомъ глубокаго, непримиримаго оскорбленія за нравственное достоинство человѣка отнеслась Засуличъ къ извѣстію о позорномъ наказаніи Боголюбова.

Что былъ для нея Боголюбовъ? Онъ не былъ для нея родственникомъ, другомъ, онъ не былъ ея знакомымъ, она никогда не видала и не знала его. Но развѣ для того, чтобъ возмутиться видомъ нравственно раздавленнаго человѣка, чтобы придти въ негодованіе отъ позорнаго глумленія надъ беззащитнымъ, нужно быть сестрой, женой, любовницей?

Для Засуличъ Боголюбовъ былъ политическій арестантъ, и въ этомъ словѣ было для нея все; политическій арестантъ не былъ для Засуличъ отвлеченное представленіе, вычитываемое изъ книгъ, знакомое по слухамъ, по судебнымъ процессамъ — представленіе, возбуждающее въ честной душѣ чувство сожалѣнія, состраданія, сердечной симпатіи. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ— она сама, ея горькое прошедшее, ея собственная исторія—исторія безвозвратно погубленныхъ лѣтъ, лучшихъ и дорогихъ въ жизни каждаго человѣка, котораго не постигаетъ тяжкая доля, перенесенная Засуличъ. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ — горькое воспоминаніе ея собственныхъ страданій, ея тяжкаго нервнаго возбужденія, постоянной тревоги, томительной неизвѣстности, вѣчной думы надъ вопросами: Что я сдѣлала? Что будетъ со мной? Когда-же наступитъ конецъ? Политическій арестантъ былъ ея собственное сердце, и всякое грубое прикосновеніе къ этому сердцу болѣзненно отзывалось на ея возбужденной натурѣ.

Въ провинціальной глуши газетное извѣстіе дѣйствовало на

Засуличъ еще сильнѣе, чѣмъ оно могло-бы дѣйствовать здѣсь, въ столицѣ. Тамъ она была одна. Ей не съ кѣмъ было раздѣлить свои сомнѣнья, ей не отъ кого было услышать слово участія по занимавшему ее вопросу. Нѣтъ, думала Засуличъ, вѣроятно извѣстіе невѣрно, по меньшей мѣрѣ оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явленіе? Неужели 20 лѣтъ прогресса, смягченіе нравовъ, человѣколюбивое отношеніе къ арестованному, улучшеніе судебныхъ и тюремныхъ порядковъ, ограниченіе личнаго произвола, неужели 20 лѣтъ поднятія личности и достоинства человѣка вычеркнуты и забыты безслѣдно?

Неужели къ тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще болѣе тяжкое презрѣніе къ его человѣческой личности, забвеніе въ немъ всего прошлаго, всего, что дали ему воспитаніе и развитіе? Неужели нужно было еще наложить несмываемый позоръ на эту — положимъ преступную — но во всякомъ случаѣ не презрѣнную личность? Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжала думать Засуличъ, что Боголюбовъ въ состояніи нервнаго возбужденія, столь понятнаго въ одиночно-заключенномъ арестантѣ, могъ, не владѣя собой, позволить себѣ то или другое нарушеніе тюремныхъ правилъ, но на случай такихъ нарушеній, если и признавать ихъ вмѣняемыми человѣку въ исключительномъ состояніи его духа, существуютъ у тюремнаго начальства другія мѣры, ничего общаго не имѣющія съ наказаніемъ розгами. Да и какой-же поступокъ приписываетъ Боголюбову газетное извѣстіе? Неснятіе шапки при вторичной встрѣчѣ съ почетнымъ посѣтителемъ? Нѣтъ это невѣроятно, успокоилась Засуличъ; подождемъ, будетъ опроверженіе, будетъ разъясненіе происшествія; по всей вѣроятности оно окажется не такимъ, какъ представлено.

Но не было ни разъясненій, ни опроверженій, ни гласа, ни

послушанія. Тишина молчанія не располагала къ тишинѣ взволнованныхъ чувствъ. И снова возникалъ въ женской экзальтированной головѣ образъ Боголюбова, подвергнутаго позорному наказанію, и распаленное воображеніе старалось угадать, перечувствовать все то, что могъ перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственнаго воображенія, непровѣренная никакими данными, непополненная слухами, разсказами очевидцевъ, свидѣтелей наказанія; скоро явилось и то и другое.

Въ сентябрѣ Засуличъ была въ Петербургѣ; здѣсь уже она могла провѣрить занимавшее ея мысль происшествіе, по разсказамъ очевидцевъ, или лицъ, слышавшихъ непосредственно отъ очевидцевъ. Разсказы — по содержанію своему, не способны были умирить возмущенное чувство. Газетное извѣстіе оказывалось не преувеличеннымъ, напротивъ оно дополнялось такими подробностями, которыя заставляли содрогаться, которыя приводили въ негодованіе. Разсказывалось и подтверждалось, что Боголюбовъ не имѣлъ намѣренія оказать неуваженія, неповиновенія, что естественно уклоненіе отъ заушенія, которое ему угрожало, что попытка сбить съ Боголюбова шапку вызвала крики со стороны смотрѣвшихъ на происшествіе арестантовъ—независимо отъ какого либо возмущенія ихъ къ тому Боголюбовымъ. Разсказывались дальше возмутительныя подробности приготовленія и исполненія наказанія. Во дворъ, на который изъ оконъ камеръ неслись крики арестантовъ, взволнованныхъ происшествіемъ съ Боголюбовымъ, является смотритель тюрьмы, и чтобъ «успокоить» волненіе возвѣщаетъ о предстоящемъ наказаніи Боголюбова розгами, не успокоивъ никого этимъ въ дѣйствительности, но несомнѣнно доказавъ, что онъ, смотритель, обладаетъ и практическимъ тактомъ и пониманіемъ человѣческаго сердца. Передъ окнами женскихъ арестантскихъ камеръ— въ виду испуганныхъ чѣмъ-то необычайнымъ, происходящимъ въ

тюрьмѣ, женщинъ,—вяжутся пучки розогъ, какъ будто бы драть предстояло цѣлую роту, разминаются руки, дѣлаются репетиціи предстоящей экзекуціи, и въ концѣ концовъ нервное волненіе арестантовъ возбуждается до такой степени, что ликторы in spe считаютъ нужнымъ убраться въ сарай, и оттуда выносятъ пуки розогъ, уже спрятанными подъ шинелями.

Теперь, по отрывочнымъ разсказамъ, по догадкамъ, по намекамъ – не трудно было вообразить и настоящую картину экзекуціи. Возставала эта блѣдная, испуганная фигура Боголюбова, не вѣдающая, что онъ сдѣлалъ, что съ нимъ хотятъ творить; возставалъ въ мысляхъ болѣзненный его образъ. Вотъ онъ, приведенный на мѣсто экзекуціи и пораженный извѣстіемъ о томъ позорѣ, который ему готовится, вотъ онъ, полный негодованія и думающій, что эта сила. негодованія дастъ ему силы Самсона, чтобъ устоять въ борьбѣ съ массой ликторовъ, исполнителей наказанія, вотъ онъ, падающій подъ массою пудовъ человѣческихъ тѣлъ, насѣвшихъ ему на плечи, распростертый на полу, позорно — обнаженный, нѣсколькими парами рукъ, какъ желѣзомъ, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться и, надъ всей этой картиной, мѣрный свистъ березовыхъ прутьевъ, да также мѣрное счисленіе ударовъ благороднымъ распорядителемъ экзекуціи, все замерло въ тревожномъ ожиданіи стона, этотъ стонъ раздался, то не былъ стонъ физической боли—не на нее разсчитывали – то былъ мучительный стонъ удушеннаго, униженнаго, поруганнаго, раздавленнаго человѣка! Священнодѣйствіе совершилось, позорная жертва была принесена!.. (Аплодисменты, громкіе крики браво!).

Предсѣдатель. Судъ не театръ, одобреніе или неодобреніе здѣсь воспрещается. Если это повторится вновь, я вынужденъ буду очистить залу.

Свѣдѣнія, полученныя Засуличъ были подробны, обстоятельны, достовѣрны. Теперь тяжелыя сомнѣнія смѣнились еще болѣе

тяжелою извѣстностью. Роковой вопросъ возсталъ со всей его безпокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь безпомощнаго каторжника? Кто смоетъ, кто и какъ искупитъ тотъ позоръ, который навсегда неутѣшимою болью будетъ напоминать о себѣ несчастному? Съ твердостью перенесетъ осужденный суровость каторги, онъ примирится съ этимъ возмездіемъ за его преступленіе, быть можетъ сознаетъ его справедливость, быть можетъ наступитъ минута, когда милосердіе съ высоты трона и для него откроется, когда скажутъ ему: «Ты искупилъ свою вину, войди опять въ то общество, изъ котораго ты удаленъ, войди и будь снова гражданиномъ». Но кто и какъ изгладитъ въ его сердцѣ воспоминаніе о позорѣ, о поруганномъ достоинствѣ; кто и какъ смоетъ то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимымъ въ его воспоминаніи? Наконецъ, гдѣ же гарантія противъ повторенія подобнаго случая? Много товарищей по несчастію у Боголюбова, неужели и они должны существовать подъ страхомъ всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову.

Если юристы могли создать лишеніе правъ, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишеннаго правъ его нравственную физіономію, его человѣческую натуру, его душевное состояніе, отчего же они не укажутъ средствъ низвести каторжника на степень скота, чувствующаго физическую боль и чуждаго душевныхъ страданій?

Такъ думала, такъ не столько думала, какъ инстинктивно чувствовала В. Засуличъ. Я говорю ея мысли, я говорю почти ея словами. Быть можетъ найдется много экзальтированнаго, болѣзненно-преувеличеннаго въ ея думахъ, волновавшихъ ее вопросахъ, въ ея неудоумѣніи. Быть можетъ, законникъ нашелся бы въ этихъ недоумѣніяхъ, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай съ Боголюбовымъ: у насъ ли не найти

статьи закона, коли намъ нужно ее найти? Быть можетъ, опытный блюститель порядка доказалъ бы, что иначе поступить, какъ было поступлено съ Боголюбовымъ, и невозможно, что иначе и порядка существовать не можетъ. Быть можетъ, не блюститель порядка, а просто практическій человѣкъ сказалъ бы, съ полной увѣренностью въ разумности своего совѣта: «Бросьте вы, Вѣра Ивановна, это самое дѣло, не васъ вѣдь выпороли».

Но и законникъ, и блюститель порядка, и практическій человѣкъ не разрѣшили бы волновавшаго Засуличъ сомнѣнія, не успокоили бы ея душевной тревоги. Не надо забывать, что В. Засуличъ натура экзальтированная, нервная, болѣзненная, впечатлительная, не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка въ то время, подозрѣніе въ политическомъ преступленіи, подозрѣніе неоправдавшееся, но стоившее ей двухлѣтняго одиночнаго заключенія, и за тѣмъ безпріютное скитаніе надломили ея натуру, навсегда оставивъ воспоминаніе о страданіяхъ политическаго арестанта, толкнули ея жизнь на тотъ путь и въ ту сферу, гдѣ много поводовъ къ страданію, душевному волненію, но гдѣ мало мѣста для успокоенія на соображеніяхъ практической пошлости.

Въ бесѣдахъ съ друзьями и знакомыми, наединѣ днемъ и ночью, среди занятій и безъ дѣла, Засуличъ не могла оторваться отъ мысли о Боголюбовѣ, и ни откуда сочувственной помощи, ни откуда удовлетворенія души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозореннаго Боголюбова, кто вступится за судьбу другихъ несчастныхъ, находящихся въ положеніи Боголюбова? Засуличъ ждала этого заступничества отъ печати, она ждала оттуда поднятія, возбужденія такъ волновавшаго ее вопроса. Памятуя о предѣлахъ, молчала печать. Ждала Засуличъ помощи отъ силы общественнаго мнѣнія. Изъ тиши кабинетовъ, изъ интимнаго круга пріятельскихъ бесѣдъ не выползало общественное мнѣніе, она

ждала, наконецъ, слова отъ правосудія. Правосудіе... Но о немъ ничего не было слышно.

И ожиданія оставались ожиданіями. А мысли тяжелыя, и тревоги душевныя не унимались. И снова, и снова и опять, и опять возникаетъ образъ Боголюбова и вся его обстановка.

Не звуки цѣпей смущали душу, но мрачные своды мертваго дома леденили воображеніе, рубцы —позорные рубцы рѣзали сердце, и замогильный голосъ, за-живо погребеннаго, звучалъ:

Что-жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что-жъ любовь молчитъ?

И вдругъ внезапная мысль, какъ молнія, сверкнувшая въ умѣ Засуличъ: «О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбовѣ, нуженъ крикъ, въ моей груди достанетъ воздуха издать этотъ крикъ, я издамъ его и заставлю его услышать!» Рѣшимость была отвѣтомъ на эту мысль въ ту же минуту. Теперь можно было разсуждать о времени, о способахъ исполненія, но само дѣло, выполненное 24 января, было безповоротно рѣшено.

Между блеснувшею и зародившеюся мыслію и исполненіемъ ея протекли дни и даже недѣли; это дало обвиненію право признавать вмѣненное Засуличъ намѣреніе и дѣйствіе заранѣе обдуманнымъ.

Если эту обдуманность относить къ приготовленію средствъ, къ выбору способовъ и времени исполненія, то, конечно, взглядъ обвиненія нельзя не признать справедливымъ, но въ существѣ своемъ, въ своей основѣ, намѣреніе Засуличъ не было и не могло быть намѣреніемъ хладнокровно обдуманнымъ, какъ ни велико по времени разстояніе между рѣшимостью и исполненіемъ. Рѣшимость была и осталась внезапною, вслѣдствіе внезапной мысли, павшей на благопріятную, для нея подготовленную почву, овладѣвшей всецѣло и всевластно экзальтированной натурой. Намѣренія, подобныя намѣренію Засуличъ, возникающія въ душѣ возбужденной, афектированной, не могутъ быть обдумываемы, обсуждаемы.

Мысль сразу овладѣваетъ человѣкомъ, не его обсужденію она подчиняется, а подчиняетъ его себѣ и влечетъ за собою. Какъ бы далеко ни отстояло исполненіе мысли, овладѣвшей душой, афектъ не переходитъ въ холодное размышленіе и остается афектомъ.

Мысль не провѣряется, не обсуждается, ей служатъ, ей рабски повинуются, за ней слѣдуютъ. Нѣтъ критическаго отношенія, имѣетъ мѣсто только безусловное поклоненіе. Тутъ обсуживаются и обдумываются только подробности исполненія, но это не касается сущности рѣшенія. Слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ выполнить мысль,— объ этомъ не разсуждаютъ, какъ бы долго ни думали надъ средствами и способами исполненія. Страстное состояніе духа, въ которомъ зарождается и воспринимается мысль, не допускаетъ подобнаго обсужденія; такъ вдохновенная мысль поэта остается вдохновенною, не выдуманною, хотя онъ и можетъ задумываться надъ выборомъ словъ и риѳмъ для ея воплощенія.

Мысль о преступленіи, которое стало бы яркимъ и громкимъ указаніемъ на расправу съ Боголюбовымъ, всецѣло завладѣла возбужденнымъ умомъ Засуличъ, иначе и быть не могло: эта мысль, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала тѣмъ потребностямъ, отвѣчала на тѣ задачи, которыя волновали ее.

Руководящимъ побужденіемъ для Засуличъ обвиненіе ставитъ месть. Местью и сама Засуличъ объяснила свой поступокъ, но для меня представляется невозможнымъ объяснить вполнѣ дѣло Засуличъ побужденіемъ мести, по крайней мѣрѣ мести, понимаемой въ ограниченномъ смыслѣ этого слова. Мнѣ кажется, что слово месть употреблено въ показаніи Засуличъ, а затѣмъ и въ обвинительномъ актѣ, какъ терминъ наиболѣе простой, короткій и нѣсколько подходящій къ обозначенію побужденія, импульса, руководившаго Засуличъ.

Но месть, одна «месть» была бы невѣрнымъ мѣриломъ для обсужденія внутренней стороны поступка Засуличъ. Месть обыкно-

венно руководится личными счетами съ отомщаемымъ за себя или близкихъ. Но никакихъ личныхъ, исключительно ея интересовъ не только не было для Засуличъ въ происшествіи съ Боголюбовымъ, но и самъ Боголюбовъ не былъ ей близкимъ знакомымъ человѣкомъ.

Месть стремится нанести возможно больше зла противнику, Засуличъ, стрѣлявшая въ генералъ-адъютанта Трепова, сознается, что для нея безразличны были тѣ или другія послѣдствія выстрѣла; наконецъ, месть старается достигнуть удовлетворенія возможно дешевою цѣной, месть дѣйствуетъ скрытно, съ возможно меньшими послѣдствіями; въ поступкѣ Засуличъ, какъ бы ни обсуждать его, нельзя не видѣть самаго беззавѣтнаго, но и самаго неразсчетливаго самопожертвованія.

Такъ не жертвуютъ собой изъ за одной узкой эгоистической мести. Конечно, не чувство добраго расположенія къ генералъ-адъютанту Трепову питала Засуличъ, конечно, у нея было извѣстнаго рода недовольство противъ него, и это недовольство имѣло мѣсто въ побужденіяхъ Засуличъ, но ея месть всего менѣе интересовалась лицомъ отомщаемымъ, ея месть окрашивалась, видоизмѣнялась, осложнялась другими побужденіями.

Вопросъ о справедливости и легальности наказанія Боголюбова казался Засуличъ неразрѣшеннымъ, а погребеннымъ навсегда, надо было воскресить его и поставить твердо и громко. Униженное и оскорбленное человѣческое достоинство Боголюбова казались не возстановлены, не смыты, не оправлены, чувство мести — неудовлетвореннымъ. Возможность повторенія въ будущемъ случаевъ позорнаго наказанія надъ политическими преступниками и арестантами казалась непредупрежденной.

Всѣмъ этимъ необходимостямъ, казалось Засуличъ, должно было удовлетворить такое преступленіе, которое съ полной достовѣрностью можно было бы поставить въ связь съ случаемъ наказанія Боголюбова и показать, что это преступленіе явилось, какъ послѣд-

ствіе случая 13 іюля, какъ протестъ противъ поруганія надъ человѣческимъ достоинствомъ политическаго преступника. Вступиться за идею нравственной чести и достоинства политическаго осужденнаго, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать къ ея призванію и увѣренію,—вотъ тѣ побужденія, которыя руководили Засуличъ, и мысль о преступленіи, которое было бы поставлено въ связь съ наказаніемъ Боголюбова, казалось, можетъ дать удовлетвореніе всѣмъ этимъ побужденіямъ. Засуличъ рѣшилась искать суда надъ ея собственнымъ преступленіемъ, чтобъ поднять и вызвать обсужденіе забытаго случая о наказаніи Боголюбова.

Когда я совершу преступленіе, думала Засуличъ, тогда замолкнувшій вопросъ о наказаніи Боголюбова возстанетъ; мое преступленіе вызоветъ гласный процессъ, и Россія, въ лицѣ своихъ представителей, будетъ поставлена въ необходимость произнести приговоръ не обо мнѣ одной, а произнести его, по важности случая, въ виду Европы, той Европы, которая до сихъ поръ любитъ называть насъ варварскимъ государствомъ, гдѣ аттрибутомъ правительства служитъ кнутъ.

Этими обсужденіями и опредѣлились намѣренія Засуличъ. Совершенно достовѣрнымъ, поэтому, представляется то объясненіе Засуличъ, которое при томъ же дано было ею при самомъ первоначальномъ ея допросѣ и было затѣмъ неизмѣнно поддерживаемо, что для нея было безразлично: будетъ ли послѣдствіемъ произведеннаго ею выстрѣла смерть или только нанесеніе раны. Прибавлю отъ себя, что для ея цѣлей было бы одинаково безразлично и то, еслибъ выстрѣлъ, очевидно направленный въ извѣстное лицо, и совсѣмъ не произвелъ никакого вреднаго дѣйствія, еслибъ послѣдовала осѣчка или промахъ. Не жизнь, не физическія страданія генералъ-адъютанта Трепова нужны были для Засуличъ, а появленіе ее самой на скамьѣ подсудимыхъ, и вмѣстѣ съ нею появленіе вопроса о случаѣ съ Боголюбовымъ.

Было безразлично, совмѣстно существовало намѣреніе убить или ранить; намѣренію убить не отдавала Засуличъ никакого особеннаго преимущества. Въ этомъ направленіи она и дѣйствовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрѣлъ имѣлъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ смерть. О болѣе опасномъ направленіи выстрѣла она не заботилась. А, конечно, находясь въ томъ разстояніи отъ генералъ-адъютанта Трепова, въ какомъ она находилась, она дѣйствительно могла бы выстрѣлить совершенно въ упоръ и выбрать самое опасное направленіе. Вынувъ изъ кармана револьверъ она направила его такъ, какъ пришлось, не выбирая, не разсчитывая, не поднимая даже руки. Она стрѣляла, правда въ очень близкомъ разстояніи, но иначе она и не могла дѣйствовать. Генералъ-адъютантъ Треповъ былъ окруженъ своею свитой, а выстрѣлъ на болѣе далекомъ разстояніи могъ грозить другимъ, которымъ Засуличъ не желала вредить. Стрѣлять совсѣмъ въ сторону, было совсѣмъ дѣло не подходящее; это сводило бы драму, которая нужна была Засуличъ, на степень комедіи.

На вопросѣ о томъ—имѣла-ли Засуличъ намѣреніе причинить смерть, или имѣла намѣреніе причинить только рану, прокуроръ остановился съ особенной подробностью. Я внимательно выслушалъ тѣ доводы, которые онъ высказалъ, но я согласиться съ ними не могу, и они всѣ падаютъ передъ соображеніемъ о той цѣли, которую имѣла В. Засуличъ. Вѣдь не отвергаютъ же того, что именно оглашеніе дѣла съ Боголюбовымъ было для В. Засуличъ побудительною причиною преступленія. При такой точкѣ зрѣнія мы можемъ довольно безразлично относиться къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя обратили вниманіе г. прокурора, напримѣръ, то, что револьверъ былъ выбранъ изъ самыхъ опасныхъ. Я не думаю, чтобы тутъ имѣлась въ виду наибольшая опасность; выбирался такой револьверъ, который могъ удобнѣе войти въ карманъ: большой нельзя было бы взять, потому что онъ высовы-

вался бы изъ кармана, необходимо было взять револьверъ меньшей величины. Какъ онъ дѣйствовалъ, болѣе опасно или менѣе опасно, какія послѣдствія отъ выстрѣла могли произойти—это для Засуличъ было совершенно безразлично. Мѣна револьверовъ произведена была безъ вѣдѣнія Засуличъ. Но если даже и предполагать, какъ признаетъ возможнымъ предполагать прокуроръ, что первый револьверъ принадлежитъ В. Засуличъ, то опять-таки перемѣна револьвера объясняется очень просто: прежній револьверъ былъ такихъ размѣровъ, что не могъ помѣститься въ карманѣ.

Я не могу согласиться и съ тѣмъ весьма остроумнымъ предположеніемъ, что Засуличъ не стрѣляла въ грудь и въ голову ген.-ад. Трепова, находясь къ нему en face, потому только, что чувствовала нѣкоторое смущеніе, и что только послѣ того, какъ нѣсколько оправилась, она нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы произвести выстрѣлъ. Я думаю, что она просто не стрѣляла въ грудь ген.-ад. Трепову потому, что она не заботилась о болѣе опасномъ выстрѣлѣ: она стрѣляетъ тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать болѣе нельзя.

Раздался выстрѣлъ... Не продолжая болѣе дѣла, которое совершила, довольствуясь вполнѣ тѣмъ, что достигнуто, Засуличъ сама бросила револьверъ, прежде чѣмъ успѣли схватить ее и, отойдя въ сторону, безъ борьбы и сопротивленія, отдалась во власть набросившагося на нее маіора Курнѣева и осталась не задушенной имъ только благодаря помощи другихъ окружающихъ.

Ея пѣсня была теперь спѣта, ея мысль исполнена, ея дѣло совершено...

Я долженъ остановиться на прочтенномъ здѣсь показаніи ген.-ад. Трепова. Въ этомъ показаніи сказано, что послѣ перваго выстрѣла Засуличъ, какъ замѣтилъ генералъ Треповъ, хотѣла произвести второй выстрѣлъ, и что началась борьба: у нея отнимали револьверъ. Это совершенно ошибочное показаніе ген.-ад. Трепова

объясняется тѣмъ весьма понятнымъ взволнованнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Всѣ свидѣтели, хотя также взволнованные происшествіемъ, но не до такой степени, какъ ген.-ад. Треповъ, показали, что Засуличъ совершенно добровольно, безъ всякой борьбы, бросила сама револьверъ и не показывала намѣренія продолжать выстрѣлы. Если же и представилось ген.-ад. Трепову, что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую велъ съ Засуличъ Курнѣевъ и вели прочіе свидѣтели, которые должны были отрывать Курнѣева, вцѣпившагося въ Засуличъ.

Я думаю, что въ виду двойственности намѣренія Засуличъ, въ виду того, что для ея намѣреній было безразлично послѣдствіе большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достиженія именно большаго результата, что смерть только допускалась, а не была исключительнымъ стремленіемъ В. Засуличъ, нѣтъ основанія произведенный ею выстрѣлъ опредѣлять покушеніемъ на убійство. Ея поступокъ долженъ быть опредѣленъ по тому послѣдствію, которое произведено въ связи съ тѣмъ особымъ намѣреніемъ, которое имѣло въ виду это послѣдствіе.

Намѣреніе было: или причинить смерть, или нанести рану; не послѣдовало смерти, но нанесена рана. Нѣтъ основанія въ этой нанесенной ранѣ видѣть осуществленіе намѣренія причинить смерть, уравнивать это нанесеніе раны покушенію на убійство, а вполнѣ было бы справедливо считать не болѣе, какъ дѣйствительнымъ нанесеніемъ раны и осуществленіемъ намѣренія нанести такую рану.

Такимъ образомъ, отбрасывая покушеніе на убійство, какъ не осуществившееся, слѣдовало бы остановиться на дѣйствительно доказанномъ результатѣ, соотвѣтствовавшемъ особому условному намѣренію—нанесенію раны.

Если Засуличъ должна понести отвѣтственность за свой по-

ступокъ, то эта отвѣтственность была бы справедливѣе за зло, дѣйствительно послѣдовавшее, а не такое, которое не было предположено, какъ необходимый и исключительный результатъ, какъ прямое и безусловное стремленіе, а только допускалось.

Впрочемъ, все это—только мое желаніе представить вамъ соображенія и посильную помощь къ разрѣшенію предстоящихъ вамъ вопросовъ; для личныхъ же чувствъ и желаній Засуличъ безразлично, какъ бы не разрѣшился вопросъ объ юридическомъ характерѣ ея дѣйствій, для нея безразлично быть похороненной по той или другой статьѣ закона. Когда она переступила порогъ дома градоначальника съ рѣшительнымъ намѣреніемъ разрѣшить мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несетъ въ жертву все—свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то немногое, что дала ей на долю мачиха—судьба.

И не торговаться съ представителями общественной совѣсти за то или другое уменьшеніе своей вины явилась она сегодня предъ вами, господа присяжные засѣдатели.

Она была и осталась беззавѣтною рабою той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружіе.

Она пришла сложить предъ вами все бремя наболѣвшей души, открыть скорбный листъ своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, перечувствовала, что двинуло ее на преступленіе, чего ждала она отъ него.

Господа присяжные засѣдатели! Не въ первый разъ на этой скамьѣ преступленій и тяжелыхъ душевныхъ страданій является предъ судомъ общественной совѣсти женщина по обвиненію въ кровавомъ преступленіи.

Были здѣсь женщины, смертью мстившія своимъ соблазнителямъ, были женщины, обогрявшія руки въ крови измѣнившихъ имъ любимыхъ людей или своихъ болѣе счастливыхъ соперницъ. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То былъ судъ ира-

вый, откликъ суда божественнаго, который взираетъ не на внѣшнюю только сторону дѣяній, но и на внутренній ихъ смыслъ, на дѣйствительную преступность человѣка. Тѣ женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

Въ первый разъ является здѣсь женщина, для которой въ преступленіи не было личныхъ интересовъ, личной мести, женщина, которая со своимъ преступленіемъ связала борьбу за идею, во имя того, кто былъ ей только собратомъ по несчастію всей ея молодой жизни. Если этотъ мотивъ проступка окажется менѣе тяжелымъ на вѣсахъ общественной правды, если для блага общаго, для торжества закона, для общественной безопасности, нужно призвать кару законную, тогда—да совершится ваше карающее правосудіе. Не задумывайтесь.

Немного страданій можетъ прибавить вашъ приговоръ для этой надломленной, разбитой жизни. Безъ упрека безъ горькой жалобы, безъ обиды приметъ она отъ васъ рѣшеніе ваше и утѣшится тѣмъ, что можетъ быть ея страданія, ея жертва предотвратила возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ бы мрачно ни смотрѣть на этотъ поступокъ, въ самыхъ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва.

Да, она можетъ выйти отсюда осужденной, но она не выйдетъ опозоренною, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины производящія подобныя преступленія, порождающія подобныхъ преступниковъ.

Предсѣдатель. Подсудимая Засуличъ, вамъ принадлежитъ послѣднее слово. Что вы имѣете сказать?

Засуличъ. Ничего не имѣю.

Предсѣдатель объявилъ пренія конченными и прочиталъ проектъ поставленныхъ судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросовъ. Первый вопросъ поставленъ о томъ: виновна-ли

Засуличъ въ томъ, что, рѣшившись отомстить градоначальнику Трепову за наказаніе Боголюбова и пріобрѣтя съ этой цѣлью револьверъ нанесла 24 января, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, ген.-ад. Трепову рану въ полость таза пулею большого калибра; второй вопросъ о томъ, что если Засуличъ совершила это дѣяніе, то имѣла ли она заранѣе обдуманное намѣреніе лишить жизни градоначальника Трепова, и третій вопросъ о томъ, что если Засуличъ имѣла цѣлью лишить жизни градоначальника Трепова, то сдѣлала ли она все, что отъ нея зависѣло, для достиженія этой цѣли, причемъ смерть не послѣдовала отъ обстоятельствъ, отъ Засуличъ независѣвшихъ.

Стороны противъ этого проекта вопросовъ не возражали, и судъ ихъ утвердилъ.

Предсѣдатель (къ присяжнымъ). Гг. присяжные засѣдатели! Судебныя пренія окончены, и вамъ предстоитъ произнести вашъ приговоръ. Вамъ была предоставлена возможность всесторонне разсмотрѣть настоящее дѣло, предъ вами были открыты безпрепятственно всѣ обстоятельства, которыя по мнѣнію сторонъ, должны были разъяснить сущность дѣянія подсудимой — и судъ имѣетъ основаніе ожидать отъ васъ приговора обдуманнаго и основаннаго на серіезной оцѣнкѣ имѣющагося у васъ матеріала. Но прежде чѣмъ вы приступите къ окончательному обсужденію дѣла, я обязанъ дать вамъ нѣкоторыя указанія о томъ, какъ и въ какомъ порядкѣ надо приступать къ оцѣнкѣ данныхъ дѣла.

Когда вамъ предлагается вопросъ о виновности подсудимаго въ какомъ-либо преступленіи, у васъ естественно и прежде всего возникаютъ два вопроса: о томъ, *кѣмъ* совершено дѣяніе и *что именно* совершено? Вы должны спросить себя, находится ли передъ вами лицо, отвѣтственное за свои проступки, т. е. не такое, въ которомъ старость ослабила, молодость не вполнѣ развила, болѣзнь погасила умственныя силы.

Вы должны убѣдиться, что передъ вами находится человѣкъ, сознающій свои поступки и, слѣдовательно, могущій подлежать за нихъ отвѣтственности.

Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ указаній на душевную болѣзнь, нѣтъ и вопроса о возрастѣ, и если защитникъ говорилъ предъ вами о состояніи «постояннаго аффекта», т. е. гнетущаго и страстнаго порыва, то и онъ не указывалъ на то, чтобы этимъ сознаніемъ у подсудимой затемнялось сознаніе.

Что же касается до нервности подсудимой, слѣды которой не могли ускользнуть отъ васъ, то нервность лишь вызываетъ большую впечатлительность. Поэтому я думаю, что первый вопросъ не представляетъ для васъ особыхъ трудностей. Но второй вопросъ труднѣе. Вы должны знать, на основаніи твердыхъ данныхъ, что именно совершено. Мало знать, что то или другое преступное дѣяніе совершено, — необходимо знать, *для чего* оно совершено, т. е. знать *цѣль* и уяснить себѣ намѣреніе подсудимаго.

А затѣмъ, возникаетъ болѣе общій вопросъ: изъ какихъ побужденій сдѣлано то, что привело подсудимаго предъ васъ.

Есть дѣла, гдѣ эти вопросы разрѣшаются сравнительно легко, гдѣ въ самомъ преступленіи содержится уже и его объясненіе, содержится указаніе на его цѣль. Въ такихъ дѣлахъ по большей части для всякаго ясно, къ чему стремится обвиняемый. Такъ, кража въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершается для завладѣнія чужимъ имуществомъ тайно, грабежъ — для похищенія его явно, изнасилованіе для удовлетворенія животной страсти и т. д.

Но есть дѣла болѣе сложныя. Въ нихъ неизбѣжно надо изслѣдовать внутреннюю сторону дѣянія. Одинъ фактъ еще ничего не говоритъ, или, во всякомъ случаѣ, говоритъ очень мало. Таково *убійство*. Убійство—есть лишеніе жизни. Оно является преступнымъ, когда совершается не для самообороны. Но оно можетъ быть совершено различно. Я могу совершить убійство необду-

манно, играя заряженнымъ оружіемъ, я могу убить въ дракѣ, нанося удары направо и налѣво, могу придти въ негодованіе и въ порывѣ гнѣва убить оскорбителя, могу, не ослѣпляемый раздраженіемъ, сознательно лишить жизни другого и могу, наконецъ, воспитать въ себѣ прочную ненависть и подъ вліяніемъ ея, въ теченіе многихъ иногда дней, подготовить себя къ тому, чтобы рѣшительнымъ, но задолго предвидѣннымъ ударомъ лишить кого-либо жизни. Все это будутъ ступени одной и той же лѣстницы, всѣ онѣ называются убійствомъ,—но какая между ними разница! И для того, чтобы ошибочно не стать ступенью выше, чѣмъ слѣдуетъ по справедливости, — необходимо разсмотрѣть внутреннюю сторону преступленія. Это разсмотрѣніе укажетъ, какое это убійство, если только это убійство.

Но въ настоящемъ дѣлѣ обвиненіемъ поднятъ вопросъ о *покушеніи*. Вамъ изъ явленій общественной жизни извѣстно, что такое покушеніе. Оно можетъ быть различно. Бываютъ случаи, когда человѣкъ останавливается, приступивъ къ совершенію преступленія. Стыдъ, страхъ, внутренній голосъ, слабость воли, могутъ остановить его въ самомъ началѣ. Но когда и выстрѣлилъ человѣкъ, когда замахнулся оружіемъ,—могутъ быть различные исходы: ударъ пришелся мимо, послѣдовалъ промахъ, или ударъ пришелся въ защищенное, случайно или неслучайно, мѣсто и, встрѣтивъ препятствіе, не причинилъ вреда, или же, наконецъ, ударъ дошелъ по назначенію, но особенности организма того, кому онъ былъ назначенъ, уничтожили, ослабили смертоносную силу. Ударъ можетъ быть нанесенъ такъ, что есть полная вѣроятность что онъ разрушитъ такія части тѣла, съ невредимостью которыхъ связана самая жизнь, а между тѣмъ случайное отклоненіе лезвія ножа, или пути, избраннаго пулею, оставитъ важные внутренніе органы безъ существенныхъ поврежденій, или причинитъ такія, для борьбы противъ которыхъ окажется достаточно жизненой силы

у поврежденнаго организма. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ законъ считаетъ, что обвиняемый исполнилъ все, что отъ него зависѣло. Смерть не произошла не по его воли, и не отъ него уже зависѣло устранить ее, отдалить ея приходъ.

Съ такимъ именно случаемъ, по мнѣнію представителя обвинительной власти, имѣете вы теперь дѣло. Вы вдумаетесь въ обстоятельства дѣла и въ то, что было объясняемо вамъ здѣсь и рѣшите— есть ли прочныя данныя для этого вывода.

Картина самого событія въ пріемной градоначальника, 24 января, должна быть вамъ ясна. Всѣ свидѣтельскія показанія согласны между собою въ описаніи того, что сдѣлала Засуличъ. Револьверъ брошенный ею, предъ вами. Объясненіе, почему она его бросила, вы слышали. Оно подтверждается, какъ устройствомъ спуска курка револьвера, такъ и тою, предвидѣнною ею суматохой около нея послѣ выстрѣла, о которой обстоятельно разсказали здѣсь Курнѣевъ и Гречъ. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить лишь показаніе потерпѣвшаго, прочитанное здѣсь на судѣ. Но это сомнѣніе будетъ мимолетное. Для него нѣтъ основаній, и предположеніе о борьбѣ со стороны Засуличъ и о желаніи выстрѣлить еще разъ ничѣмъ не подтверждается. Надо помнить, что показаніе потерпѣвшаго дано почти тотчасъ послѣ выстрѣла, когда подъ вліяніемъ физическихъ страданій и нравственнаго потрясенія, въ жару боли и волненія, ген.-ад. Треповъ не могъ вполнѣ ясно различать и припоминать все происходившее вокругъ него. Поэтому, безъ ущерба для вашей задачи, вы можете не останавливаться на этомъ показаніи. Фактъ выстрѣла, причинившаго рану, несомнѣненъ. Но какая это рана, какой ея исходъ, каково ея значеніе? Здѣсь были выслушаны эксперты. Эксперты тѣ же свидѣтели. Они также говорятъ о томъ, что видѣли или слышали. Но они отличаются однимъ свойствомъ отъ свидѣтелей обыкновенныхъ. Обыкновенный свидѣтель человѣкъ простой, относящійся непосредственно къ видѣнному и слышан-

ному. Его личныя впечатлѣнія и выводы иногда затемняютъ то краснорѣчіе фактовъ, которое содержится въ его показаніи. Но экспертъ — свидѣтель по преимуществу, вооруженный научнымъ знаніемъ и спеціальнымъ опытомъ. Поэтому, онъ не только можетъ, *но и долженъ говорить о значеніи того, что онъ видитъ и* слышитъ, его выводы освѣщаютъ дѣло, устраняютъ многія сомнѣнія и неясность обыденныхъ представленій замѣняютъ опредѣленнымъ взглядомъ, основаннымъ на строгихъ данныхъ науки.

И къ свидѣтелямъ и къ экспертамъ можно относиться съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ. Я напомню вамъ, что довѣріе къ свидѣтелю на судѣ должно основываться на нравственномъ, а если свидѣтель—экспертъ, то и на научномъ его авторитетѣ.

Вы примѣните эти условія къ показаніямъ экспертовъ, бывшихъ предъ вами. Если вы найдете, что эксперты относились къ дѣлу съ полнымъ спокойствіемъ и вниманіемъ, что они, несмотря на разнообразное свое положеніе, вполнѣ свободно сошлись въ однихъ и тѣхъ же выводахъ. то вы, вѣроятно, отнесетесь къ нимъ съ довѣріемъ. Если затѣмъ вы припомните, что здѣсь предъ вами были трое изъ наиболѣе выдающихся хирурговъ столицы, и въ томъ числѣ два профессора хирургіи, и что они имѣли возможность прослѣдить раненіе и его послѣдствія, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, у постели больного, то вы придадите ихъ показаніямъ научный авторитетъ. Сущность этихъ показаній отъ васъ не ускользнула: рана нанесена, какъ оказывается изъ осмотра опаленнаго мѣста на мундирѣ, почти въ упоръ — рана тяжелая и грозившая опасностью жизни.

Внутренняя сторона дѣянія Засуличъ будетъ затѣмъ подлежать особому вашему обсужденію. Здѣсь надо приложить всю силу разумѣнія, чтобы правильнѣе оцѣнить цѣль и намѣреніе, вложенныя въ дѣйствія подсудимой. Я укажу лишь на то, что болѣе выдающимися основаніями для сужденія представляются здѣсь: во

1-хъ, собственное объясненіе подсудимой и во 2-хъ, обстоятельства дѣла, независимыя отъ этого объясненія, но которыми во многихъ отношеніяхъ можетъ быть провѣрена его правильность или неправильность. Собственное объясненіе подсудимой прежде всего оцѣнивается по тому довѣрію, какое вообще внушаетъ или не внушаетъ личность подсудимой. На скамью обвиняемыхъ являются люди самыхъ различныхъ свойствъ. Обстановка, въ которой они дѣйствовали до появленія на этой скамьѣ, обыкновенно отражается и на степени довѣрія, внушаемаго ихъ объясненіями передъ судомъ. Въ большинствѣ случаевъ къ объясненіямъ подсудимаго надо относится съ осторожностью. Онъ слишкомъ близкій къ дѣлу человѣкъ,—онъ слишкомъ большое участіе въ немъ принимаетъ, чтобы относиться къ нему со спокойствіемъ, чтобы иногда, подъ вліяніемъ своего положенія, невольно не смотрѣть на дѣяніе свое односторонне, т. е. не вполнѣ согласно съ истиной. Это настолько понятное явленіе, что обращаться къ подсудимому съ укоромъ не слѣдуетъ, а слѣдуетъ лишь искать провѣрки объясненія подсудимаго въ сложившихся такъ или иначе фактахъ дѣла. Но собственное объясненіе подсудимаго, въ особенности въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, всегда должно быть принимаемо во вниманіе. Существуетъ, если такъ можно выразиться, два крайнихъ типа, по отношенію къ значенію даваемыхъ ими объясненій.

Съ одной стороны обвиняемый въ преступленіи, построенномъ на своекорыстномъ побужденіи, желавшій воспользоваться въ личную выгоду плодами преступленія, хотѣвшій скрыть слѣды своего дѣла, бѣжать самъ—и на судѣ продолжающій тоже, въ надеждѣ лживыми объясненіями выпутаться изъ бѣды, которой онъ всегда разсчитывалъ избѣжать,—игрокъ, которому измѣнила ловкость, поставившій на ставку свою свободу и желающій отыграться на судѣ. Съ другой стороны—отсутствіе личной выгоды въ преступленіи, рѣшимость принять его неизбѣжныя послѣдствія, безъ

стремленія уйти отъ правосудія,—совершеніе дѣянія въ обстановкѣ, которая заранѣе исключаетъ возможность отрицанія вины.

Между этими двумя типами укладываются всѣ обвиняемые, бывающіе на судѣ, приближаясь то къ тому, то къ другому. Очевидно, что обвиняемый перваго типа заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ обвиняемый второго. Приближеніе къ тому или другому типу не можетъ уничтожить преступности дѣянія, приведшаго обвиняемаго въ необходимость давать свои объясненія на судѣ, но можетъ вліять на степень довѣрія къ этимъ объясненіямъ.

Къ какому типу ближе подходитъ Вѣра Засуличъ — рѣшите вы, и сообразно съ этимъ отнесетесь съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ къ ея словамъ о томъ, что именно она имѣла въ виду сдѣлать, стрѣляя въ генералъ-адъютанта Трепова. Вы слышали объясненія Засуличъ здѣсь, вы помните сущность ея объясненія тотчасъ послѣ происшествія. Оно приведено въ обвинительномъ актѣ. Оба эти показанія въ сущности сводятся къ желанію нанесеніемъ раны или причиненіемъ смерти отомстить генералу-адъютанту Трепову за наказаніе розгами Боголюбова, и тѣмъ обратить на случившееся въ предварительной тюрьмѣ общее вниманіе. Этимъ, по ея словамъ, она хотѣла сдѣлать менѣе возможнымъ на будущее время повтореніе подобныхъ случаевъ. Вы слышали пренія сторонъ. Обвинитель находитъ, что подсудимая совершила мщеніе, имѣвшее цѣлью убить генералъ-адъютанта Трепова. Обвинитель указывалъ намъ на то нравственное осужденіе, которому должны подвергаться избранныя подсудимою средства, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ими стремятся достигнуть нравственныхъ цѣлей. Вамъ было указано на возможность такого порядка вещей, при которомъ каждый, считающій свои или чужія права нарушенными, постановлялъ бы свой личный, произвольный приговоръ и самъ приводилъ бы его въ исполненіе. Разсматривая съ этой точки зрѣнія объясненія подсудимой и провѣряя ихъ обстановкою пре-

ступленія, прокуроръ находилъ, что подсудимая хотѣла лишить жизни потерпѣвшаго.

Вы слышали затѣмъ доводы защиты. Они были направлены преимущественно на позднѣйшее объясненіе подсудимой, въ силу котораго рана или смерть генералъ-адъютанта Трепова была безразлична для Засуличъ, а важенъ былъ выстрѣлъ, обращавшій на причины, по которымъ онъ былъ произведенъ, общее вниманіе. Такимъ образомъ, по предложенію защиты, подсудимая считала себя поднимающею вопросъ о возстановленіи чести Боголюбова и разъясненія дѣйствительнаго характера происшествія 13 іюля, и не только передъ судомъ Россіи, но и передъ лицомъ Европы. То, что послѣдовало послѣ выстрѣла, не входило въ разсчеты подсудимой. Вы посмотрите спокойнымъ взглядомъ на тѣ и другіе доводы, господа присяжные засѣдатели. Вы остановитесь на ихъ безпристрастномъ разборѣ и, производя его, вѣроятно встрѣтитесь съ вопросами.—Если нужно обратить на что либо общее вниманіе, хотя бы путемъ необыкновеннаго или даже незаконнаго поступка, то является ли стрѣльба изъ револьвера и на разстояніи, на которомъ трудно промахнуться, единственнымъ неизбѣжнымъ средствомъ?—Общее вниманіе исключительно ли связано съ дѣйствіями, которыя почти неминуемо сопровождаются пролитіемъ крови? Выстрѣлъ, направленный на человѣка, но съ внѣшними признаками покушенія, не такъ же ли можетъ поднять вопросъ? Наконецъ, поднятіе вопросовъ, хотя бы и о дѣйствительно больныхъ сторонахъ общественной жизни, способомъ, избраннымъ подсудимою, не является ли рѣзкимъ нарушеніемъ правильнаго устройства этой жизни, не является ли лекарствомъ, которое оставляетъ болѣзненные слѣды, такъ какъ опредѣленіе въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса, который долженъ быть такимъ образомъ поднятъ, ставится въ зависимости отъ произвола, отъ развитія, отъ разума или неразумія отдѣльнаго лица.

Обратясь къ показанію Засуличъ, вы поищите въ немъ доказательствъ того, что она могла быть твердо увѣрена, что дѣло ея будетъ разбираться обыкновеннымъ судомъ, публичнымъ, гласнымъ; въ виду этого вопроса я долженъ вамъ напомнить, что она здѣсь на судѣ объяснила именованіе себя Екатериною Козловой боязнью за своихъ знакомыхъ, такъ какъ предполагала, что дѣло о ней будетъ производиться политическимъ порядкомъ. А по этимъ дѣламъ законъ разрѣшаетъ закрывать двери суда всегда, когда это будетъ признано судомъ нужнымъ.

Обсуждая доводы прокурора, вамъ придется остановиться на томъ, что надо понимать подъ мщеніемъ. Придется разобрать значеніе первоначальнаго заявленія подсудимой о желаніи отомстить. Быть можетъ въ самомъ этомъ словѣ вы найдете и объясненіе практической цѣли, для которой былъ произведенъ выстрѣлъ, если вы согласитесь съ обвинителемъ въ его взглядѣ на поступокъ Засуличъ.—Чувство мщенія свойственно многимъ людямъ, оно не такъ естественно, не такъ тѣсно связано съ человѣческой природой, какъ страсть, напримѣръ, ревность, но оно бываетъ иногда весьма сильно, если человѣкъ не употребитъ благороднѣйшихъ чувствъ души на подавленіе въ себѣ стремленія отомстить, если дастъ этому чувству настолько ослѣпить себя и подавить, что станетъ смѣшивать отомщеніе съ правосудіемъ, забывая что враждебное настроеніе плохое подспоріе для справедливости рѣшенія. Каждый болѣе или менѣе, въ эпоху, когда еще характеръ не сложился окончательно, испытывалъ на себѣ это чувство. Состоитъ ли оно въ непремѣнномъ желаніи уничтожить предметъ гнѣва, виновника страданій, вызвавшаго въ душѣ прочное чувство мести? Или на ряду съ желаніемъ уничтожить и, при томъ гораздо чаще,— существуетъ желаніе лишь причинить нравственное или физическое страданіе, или и то и другое страданіе вмѣстѣ? Акты мщенія въ разнообразныхъ формахъ встрѣчаются, къ сожалѣнію, въ

жизни, но нельзя сказать, чтобы въ основѣ ихъ всегда лежало желаніе уничтожить, стереть съ лица земли предметъ мщенія.

Вы знаете жизнь,—вы и рѣшите этотъ вопросъ. Быть можетъ, вы найдете, что въ мщеніи выражается не исключительное желаніе истребить, а и желаніе причинить страданіе и подвергнуть человѣка нравственнымъ ударамъ. Если вы найдете это, то у васъ можетъ явиться соображеніе, что указаніе Засуличъ на желаніе отомстить, еще не указываетъ на ея желаніе убить ген.-ад. Трепова. Разрѣшить такъ или иначе вопросъ о степени довѣрія показанію подсудимой нельзя, не перейдя къ провѣркѣ его данными дѣла. И здѣсь вы снова встрѣтитесь съ рядомъ вопросовъ. Во 1-хъ вы обратите вниманіе на оружіе и на то, что оно куплено по порученію подсудимой. Показаніе Лежена охарактеризовало передъ вами свойства револьвера.

Это одинъ изъ сильнѣйшихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по конструкціи своей онъ одинъ изъ самыхъ короткихъ. Вы помните мнѣніе обвинителя, что калибръ револьвера, его боевая сила, указываютъ на желаніе убить,—но вы не упустите изъ виду и того соображенія, что размѣръ револьвера дѣлалъ удобнымъ его ношеніе въ карманѣ, и его незамѣтное вынутіе оттуда, причемъ не цѣль непремѣннаго убійства могла быть въ виду, а лишь обстановка, въ которой придется стрѣлять.

Во-вторыхъ, вы обсудите разстояніе, съ котораго произведенъ выстрѣлъ, и мѣсто, куда онъ произведенъ. То, что онъ произведенъ почти въ упоръ, можетъ служить указаніемъ на желаніе причинить смертельное поврежденье, но не надо упускать изъ виду, что разстояніе между ген.-ад. Треповымъ и Засуличъ обусловливалось обстановкою и, быть можетъ, съ другого мѣста выстрѣла уже и нельзя было произвести. Вы рѣшите: было ли разстояніе, съ котораго произведенъ былъ выстрѣлъ, выбрано Засуличъ произвольно и не было ли бы удобнѣе для цѣлей убійства стрѣлять съ нѣ-

сколько большаго разстоянія, такъ какъ тогда можно, не стѣсняясь разстояніемъ, навести пистолетъ въ наиболѣе опасную часть тѣла. При этомъ вы сдѣлаете и оцѣнку выбора мѣста, куда произведенъ былъ выстрѣлъ. Вы припомните, что говорилъ, обвинитель о волненіи подсудимой, мѣшавшемъ ей сдѣлать выстрѣлъ иначе, но не забудете также и того, что и по обыденнымъ понятіямъ и по медицинскому исходу настоящаго раненія, наиболѣе опасными мѣстами для причиненія смерти является голова и грудь. Вы, вообще, обратите особое вниманіе на оцѣнку данныхъ самого событія.

Передъ вами здѣсь было высказано, что для опредѣленія того, что Засуличъ не хотѣла убить, не нужно особенно останавливаться на фактахъ,—они, повидимому, представляются неимѣющими значенія. Но я не могу со своей стороны дать вамъ такого совѣта. Я думаю, что на факты нужно въ всякомъ дѣлѣ обращать особое вниманіе. На однихъ предположеніяхъ и техническихъ выводахъ судебнаго рѣшенія,—обвинительнаго или оправдательнаго безразлично,—строить нельзя. Предположенія и выводы являются иногда прочною и вѣрною связью между фактами, но сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Всего лучше и несомнѣннѣе цифры,—гдѣ нѣтъ цифръ, тамъ остаются факты, но если цифръ нѣтъ, если факты отбрасываются въ сторону, то всякій выводъ является произвольнымъ и лишеннымъ основанія. Поэтому, повторяю—при обсужденіи возникающихъ изъ дѣла вопросовъ о покушеніи на убійство и о нанесеніи раны, вдумайтесь въ факты и подвергните ихъ тщательному разбору. Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ вамъ вопросовъ, вы отвѣтите на вопросъ о ранѣ,—тяжелой и обдуманной заранѣе;—отвѣчая не только на первый, но и на второй вопросъ, вы отвѣчаете на вопросъ объ убійствѣ, которое, какъ вы видите изъ прежняго вопроса, предполагается не совершившимся только отъ причинъ, которыя устранить или создать было не въ силахъ Засуличъ. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы даетъ полную картину

покушенія на убійство,—отвѣтъ на одинъ первый даетъ картину нанесенія, сознательно и обдуманно, тяжелой раны.

По признаніи подсудимой виновною, вамъ придется выбирать между этими двумя отвѣтами. Быть можетъ, у васъ возникнутъ сомнѣнія относительно выбора одного изъ отвѣтовъ. Въ виду этого, я долженъ вамъ напомнить, что, по общему юридическому и нравственному правилу, всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго; въ примѣненіи къ двумъ обвиненіямъ въ различныхъ преступленіяхъ, это значитъ, что избирается обвиненіе въ преступленіи слабѣйшемъ.

Остается указать еще на ту часть вопроса перваго, одинаково примѣнимую и къ покушенію на убійство и къ нанесенію тяжелой раны, которая говоритъ о заранѣе обдуманномъ намѣреніи.

Каждое дѣйствіе чѣмъ серіознѣе, тѣмъ болѣе оно обдуманно; тоже и по отношенію къ преступленію. Обвинительная власть находитъ, что подсудимая учинила свое дѣяніе, задолго его обдумавъ и приготовясь къ нему; защита полагаетъ, что ничего обдуманнаго заранѣе не было и что Засуличъ, готовясь къ тому, что она впослѣдствіи совершила въ пріемной градоначальника, находилась въ состояніи постояннаго аффекта, т. е. въ состояніи постояннаго гнетущаго и страстнаго раздраженія. Преступленія, совершенныя въ состояніи раздраженія, существенно отличаются отъ обдуманныхъ заранѣе. Если вы признаете, что подсудимая въ то время, когда стрѣляла въ ген.-ад. Трепова, находилась въ состояніи вызваннаго въ ней, незадолго передъ тѣмъ, раздраженія и гнѣва, то вы отвергнете обдуманность и исключите ее изъ перваго вопроса, прибавивъ къ нему, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на прочія его части, «но безъ обдуманнаго намѣренія». Законъ, однако, признаетъ запальчивость и раздраженіе, какъ послѣдствія внезапно налетѣвшаго гнѣва, который овладѣваетъ вполнѣ человѣкомъ. Неожиданная обида, насиліе, явное притѣсненіе, возмутительное по-

веденіе,—могутъ въ очевидцахъ, или въ потерпѣвшемъ вызвать негодованіе, которое заставитъ его забыть объ окружающемъ и броситься на обидчика или, вступивъ съ нимъ въ объясненіе, постепенно потерять всякое самообладаніе и совершить надъ нимъ преступное дѣяніе, послѣдствій котораго совершитель за часъ, за полчаса иногда вовсе и не предвидѣлъ, и которыхъ онъ, въ спокойномъ состояніи, самъ ужаснулся бы. Но гдѣ есть нѣкоторое время подумать, побыть съ самимъ собою, гдѣ на первомъ планѣ не гнѣвъ, а болѣе спокойное и болѣе глубокое враждебное чувство, тамъ убійство является уже умышленнымъ. Тамъ же, гдѣ желаніе причинить вредъ, или убить, существуетъ болѣе или менѣе продолжительное время, гдѣ человѣкъ встаетъ и ложится съ одной мыслью, съ одной рѣшимостью,—гдѣ онъ пріобрѣтаетъ средства для своего дѣянія и затѣмъ, однажды, все обдумавъ и предусмотрѣвъ и на все рѣшившись, идетъ на свершеніе своего дѣла, тамъ мы, съ точки зрѣнія закона, имѣемъ дѣло съ преступленіемъ умышленнымъ, т. е. совершеннымъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Каждый день, въ теченіе долгаго приготовленія и обдумыванія, человѣкъ этотъ можетъ негодовать на свою будущую жертву, каждый день воспоминаніе о ней можетъ возбуждать и гнѣвъ и раздраженіе и все таки, если это продолжалось много, много дней и въ теченіе ихъ мысль о будущемъ дѣлѣ созрѣла и развилась,—законъ указываетъ на предумышленіе.

Не въ гнѣвѣ, не въ страстномъ негодованіи отличіе преступленія, совершеннаго предумышленно, отъ дѣянія, сдѣланнаго въ раздраженіи, а въ промежуткѣ времени, дающемъ возможность одуматься, критически отнестись къ себѣ и къ задуманному дѣлу и, призвавъ на помощь силу воли, отказаться отъ заманчиваго плана. Тамъ, гдѣ была эта возможность критики, возможность отказа, возвращенія назадъ, возможность раздумья, тамъ законъ видитъ условія обдуманности. Гдѣ этого нѣтъ, когда человѣкъ не-

ожиданно поглощенъ страстнымъ порывомъ, тамъ законъ видитъ аффектъ.

Г.г. присяжные! Мнѣ нечего говорить вамъ о порядкѣ вашихъ совѣщаній: онъ вамъ извѣстенъ. Нечего говорить о важности вашихъ обязанностей, какъ представителей общественной совѣсти, призванныхъ творить судъ. Открывая засѣданіе, я уже говорилъ вамъ объ этомъ, и то вниманіе, съ которымъ вы относились къ дѣлу, служитъ залогомъ вашего серіознаго отношенія къ вашей задачѣ. Указанія, которыя я вамъ дѣлалъ теперь, — есть ничто иное, какъ совѣты, могущіе облегчить вамъ разборъ данныхъ дѣла и приведеніе ихъ въ систему. Они для васъ нисколько не обязательны. Вы можете ихъ забыть, вы можете принять ихъ во вниманіе. Вы произнесете рѣшительное и окончательное слово по этому важному, безъ сомнѣнія, дѣлу. Вы произнесете это слово по убѣжденію вашему, глубокому, основанному на всемъ, что вы видѣли и слышали и ничѣмъ не стѣсняемому, кромѣ голоса вашей совѣсти.

Если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всѣмъ тремъ вопросамъ, то вы можете признать ее заслуживающею снисхожденія, по обстоятельствамъ дѣла. Эти обстоятельства вы можете понимать въ широкомъ смыслѣ. Къ нимъ относится все то, что обрисовываетъ передъ вами личность виновнаго. Эти обстоятельства всегда имѣютъ значеніе, такъ какъ вы судите не отвлеченный предметъ, а живого человѣка, настоящее котораго всегда прямо или косвенно слагается подъ вліяніемъ его прошлаго. Обсуждая основанія для снисхожденія, вы припомните раскрытую передъ вами жизнь Засуличъ.

Быть можетъ, ея скорбная, скитальческая молодость объяснитъ вамъ ту накопившуюся въ ней горечь, которая сдѣлала ее менѣе спокойною, болѣе впечатлительною и болѣе болѣзненною по отношенію къ окружающей жизни, и вы найдете основанія для снисхожденія.

(Къ старшинѣ). Получите вопросный листъ. Обсудите дѣло спокойно и внимательно, и пусть въ приговорѣ вашемъ скажется тотъ «духъ правды», которымъ должны быть проникнуты всѣ дѣйствія людей, исполняющихъ священныя обязанности судьи.

Присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія, и, по возвращеніи въ залу засѣданія, старшина прочелъ первый вопросъ суда и отвѣтъ присяжныхъ:

«*Нѣтъ, не виновна*».

(Громкія рукоплесканія и крики «браво»).

Предсѣдатель. Подсудимая Засуличъ! Вы свободны. Судъ сдѣлаетъ немедленно распоряженіе о вашемъ освобожденіи изъ подъ ареста.

ПОСЛѢ СУДА.

ДЕМОНСТРАЦІЯ 31 марта около зданія суда.

Часовъ съ 6-ти противъ зданія суда начала собираться публика; около 7 часовъ толпа возросла до тысячи слишкомъ человѣкъ. Кто-то вышелъ изъ зданія суда и объявилъ, что Засуличъ оправдана. Публика встрѣтила рукоплесканіями это извѣстіе. Черезъ нѣсколько времени вышелъ присяжный повѣренный Александровъ; публика подняла его на руки и съ криками «*браво*!« пронесла по улицѣ. Передъ домомъ предварительнаго заключенія толпа, тысячи въ полторы человѣкъ, ожидала появленія оправданной Засуличъ. Ее также встрѣтили рукоплесканіями, подняли на руки и понесли по направленію къ Литейной, но полиція и жандармы загородили имъ улицу и не пустили толпу. Тогда толпа пошла по направленію къ Воскресенскому проспекту. По срединѣ Шпалерной г-жа Засуличъ помѣстилась въ приведенную карету.

Карета двинулась шагомъ, сопровождаемая толпой, не переставав-шей громкими криками выражать свои чувства. На углу Воскре-сенскаго проспекта и Фурштадтской толпу остановили жандармы и преградили ей дальнѣйшій путь. Городовые и жандармы начали пинками и ударами отгонять публику отъ кареты. Поднялась не-выразимая суматоха, крики и вопли. Раздался выстрѣлъ, другой... Одинъ изъ публики падаетъ мертвымъ (нѣкто Сидорацкій), жен-щина и швейцаръ сосѣдняго дома ранены. Толпа разсѣивается. Нѣсколько человѣкъ арестовано. Когда уже толпа стала расходиться, съ Воскресенскаго проспекта выѣхали человѣкъ 20—30 конныхъ жандармовъ, во весь карьеръ бросились на стоявшихъ и прохо-дившихъ, разгоняя остальную, еще не ушедшую публику. Пуб-лика, объятая страхомъ, спасалась во дворы и подъѣзды... Объ этомъ столкновеніи, имѣвшемъ такой печальный исходъ, начато уже слѣдствіе *) судебнымъ слѣдователемъ г. Русиновымъ, подъ наблюденіемъ товарища прокурора г. Гогеля.

(Сѣверный Вѣстникъ № 89, 1-го апрѣля 1878 года).

Нѣкоторыя газеты сообщали что г-жа Засуличъ скрывается отъ полиціи, которая ищетъ ее. По этому поводу разсказывали, что уже въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля произведенъ былъ обыскъ въ двухъ квартирахъ, въ которыхъ ожидали найти г-жу Засуличъ, но ее ни въ той, ни въ другой не оказалось. Говорятъ, что сегодня ночью розыски продолжались, но также не привели ни къ

---

*) Въ правительственномъ сообщеній (Правит. Вѣст. № 47) заявлялось, что слѣдствіемъ выясненъ фактъ самоубійства Сидорацкаго. Нѣкоторыя показанія очевидцевъ противорѣчатъ этому. (См. „Биржевыя Вѣдомости“ за 3 апр., 1878 г, „Начало“, 78 г., 2, Сѣверный Вѣстникъ, № 90 и др.).

какому результату, кромѣ ареста нѣсколькихъ лицъ, которымъ, какъ подозрѣваютъ, можетъ быть извѣстно, гдѣ находится бывшая подсудимая, освобожденная по судебному приговору.

Говорятъ г-жа Засуличъ скрылась, имѣя основаніе опасаться административной ссылки, несмотря на оправданіе ея судомъ.

Къ этому прибавляютъ, будто попытка полиціи пересадить г-жу Засуличь изъ кареты, въ которой она ѣхала къ своимъ знакомымъ, въ другую послужила ближайшимъ поводомъ печальнаго столкновенія между полиціей и публикой, жертвой котораго сдѣлался, между прочимъ, Сидорацкій.

„Сѣверный Вѣстникъ“ № 91, 3-го апрѣля 1873 года.

Письмо Вѣры Засуличъ въ газ. „Сѣверный Вѣстникъ“.

Милостивый государь!

Въ нѣкоторыхъ газетахъ заявлено, что я скрываюсь отъ полиціи. Это извѣстіе, вѣроятно, волнуетъ моихъ родныхъ и знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось бы объяснить, что́ заставляетъ меня такъ поступать, и съ этой цѣлью я прошу васъ напечатать мое письмо.

Еще въ ту минуту, когда жандармы остановили карету, въ которой я ѣхала, съ намѣреніемъ пересадить меня въ другую, мнѣ и, какъ мнѣ кажется, окружавшей публикѣ, пришло на мысль, что, несмотря на оправдательный приговоръ, меня хотятъ арестовать.

Публика, съ сознательнымъ ли намѣреніемъ помѣшать аресту, или просто по инстинктивному нежеланію допустить его, со всѣхъ сторонъ тѣснилась къ каретѣ; жандармы же расталкивали ее и отрывали отъ дверецъ кареты державшіяся за нихъ руки. Затѣмъ

раздались выстрѣлы, поднялась невыразимая сумотоха, и карета, въ которой я была, уѣхала.

При жандармахъ извозчику кареты громко кричали адресъ той знакомой, къ которой я намѣревалась ѣхать. Въ 2 часа ночи по этому адресу явился полицейскій чиновникъ въ сопровожденіи дворника и трехъ неизвѣстныхъ лицъ; они осмотрѣли всѣ углы квартиры и внимательно вглядывались въ лица всѣхъ бывшихъ тамъ женщинъ. Все это заставляетъ меня вѣрить доходящимъ до меня слухамъ о розыскахъ и о томъ, что имѣется приказъ преслѣдовать меня административнымъ порядкамъ. Я готова была безпрекословно подчиниться приговору суда, но не рѣшаюсь снова подвергнутьтя безконечнымъ и неопредѣленнымъ административнымъ преслѣдованіемъ и вынуждена скрываться, пока не увѣрюсь, что ошиблась и что мнѣ не угрожаетъ опасность ареста.

Вѣра Засуличъ.

С.-Петербургъ,
3 апрѣля 1878 г.

За напечатаніе этого письма газета «Сѣверный Вѣстникъ» была закрыта 6 апрѣля 1878 г.

Изъ воспоминаній начальника Дома Предварительнаго Заключенія Федорова.

31 марта 1878 г., по требованію суда, В. Засуличъ была доставлена мною въ зданіе судебныхъ учрежденій къ 12 часамъ дня и сдана подъ росписку дежурнаго пристава. По окончаніи засѣданія и произнесенія резолюціи предсѣдателемъ К., на моихъ глазахъ, судебный приставъ объявилъ Засуличъ о ея свободѣ, а начальникъ конвоя, жандармскій офицеръ, скомандовалъ «сабли въ ножны», снялъ часовыхъ, и такимъ образомъ Засуличъ, сойдя со

скамьи подсудимыхъ, имѣла полную возможность, совершенно безпрепятственно, вмѣстѣ съ публикою, выйти на улицу, но она первоначально отправилась въ домъ предварительнаго заключенія за вещами. Пока она занималась сборкою вещей и чаепитіемъ, я обратно вернулся въ зданіе суда и встрѣтивъ тамъ, спускавшимся съ лѣстницы, вновь назначеннаго прокуроромъ судебной палаты Л., заявилъ ему, что Засуличъ, въ данный моментъ, въ домѣ предварительнаго заключенія собираетъ свои вещи. На это Л., какъ бы въ видѣ совѣта, сказалъ мнѣ, чтобы я, до полученія предписанія, воздержался бы ея освобожденіемъ.

Прійдя въ домъ, я находился въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны—незаконное мною задерживаніе Засуличъ, которое, хотя и было извѣстно прокурору палаты, но, тѣмъ не менѣе, въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, безъ письменнаго документа, однимъ словамъ невозможно было придавать особаго значенія; съ другой стороны—возбужденная огромная толпа, собравшаяся на улицѣ, горѣла нетерпѣніемъ скорѣйшаго свиданія съ Засуличъ, и, вслѣдствіе задержки въ выпускѣ, могла произвести безпорядокъ, который конечно, всецѣло былъ бы отнесенъ ко мнѣ. Но, къ счастью, не прошло и четверти часа, какъ я получилъ предписаніе суда о ея немедленномъ освобожденіи, и, одновременно съ этимъ, явившійся мѣстный участковый приставъ передалъ мнѣ просьбу предсѣдателя суда К. (который, несомнѣнно, видѣлся съ прокуроромъ Л.) о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, а на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе могущей быть демонстраціи собравшейся толпы. Предложенія этого исполнить я не могъ и не желалъ: не могъ—за неимѣніемъ выхода на Захарьевскую улицу, не желалъ, во первыхъ, потому, что это было бы противъ установленнаго порядка, а, во вторыхъ, освобождая Засуличъ секретнымъ путемъ, невозможно было бы убѣдить волновавшуюся толпу въ ея освобожденіи, и, безъ сомнѣнія, произошелъ бы крупный скандалъ,

который опять таки могъ быть приписанъ моей винѣ. Въ виду этихъ соображеній, Засуличъ была освобождена обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ ворота на Шпалерную улицу, въ восьмомъ часу вечера. На улицѣ толпа, принявъ ее, сопровождала подъ наблюденіемъ, находившихся въ нарядѣ, чиновъ полиціи и жандармовъ.

Въ этотъ же день, около 11 часовъ вечера, явился ко мнѣ прокуроръ окружнаго суда С., съ предписаніемъ прокурора судебной палаты о содержаніи Засуличъ подъ стражей впредь до особаго распоряженія *). Я до того поразился послѣднимъ предписаніемъ, что сначала принялъ его за мистификацію, такъ какъ всему Петербургу уже было извѣстно объ освобожденіи Засуличъ, а тѣмъ болѣе прокурору, изъ канцеляріи котораго, часа четыре тому назадъ, я получилъ предписаніе о немедленномъ ея освобожденіи; но моментъ столбняка моего прошелъ, и я уразумѣлъ, что здѣсь мистификаціи быть не можетъ и что таковое предписаніе послѣдовало, вѣроятно, въ силу какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ, чего прокуроръ С. объяснить мнѣ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ, а далъ только понять, что въ данномъ случаѣ онъ исполнитель приказанія высшей власти.

Составивъ по этому поводу докладную записку, я, на слѣдующій день, рано утромъ, поѣхалъ съ ней къ генералу Трепову, который, несмотря на свое болѣзненное состояніе, принялъ меня и выслушавъ, обѣщалъ дать ходъ моей запискѣ.

---

*) Въ „*Началѣ*“ 1878 г. № 2 было оглашено секретное прибавленіе къ приказу по СПБ. Градоначальству, изданное въ тотъ день: „Предлагаю г. г. участковымъ приставамъ принять самыя энергичныя мѣры къ розысканію и задержанію дочери капитана Вѣры Засуличъ, покушавшейся на жизнь ген.-ад. Трепова и освобожденной вчерашняго числа отъ содержанія подъ арестомъ по приговору суда присяжныхъ. По задержаніи Засуличъ отправить ее въ домъ предварительнаго заключенія и о слѣдующемъ мнѣ донести.—Подписалъ и. д. СПБ. Градоначальника, Св. Е. В. ген.-маіоръ Козловъ“.

Черезъ нѣсколько дней, я вызываюсь къ прокурору Л. Являюсь. Въ кабинетѣ у него застаю прокурора С., и мы втроемъ садимся за письменный столъ. Л., предложивъ мнѣ любезно папиросы, повелъ со мной, приблизительно, слѣдующій разговоръ:—я желалъ съ вами, полковникъ, побесѣдовать, чтобы освѣжить въ вашей памяти обстоятельства освобожденія Засуличъ.. Вы, вѣроятно, помните, что по окончаніи судебнаго засѣданія, встрѣтившись со мной на лѣстницѣ, я предложилъ вамъ не выпускать Засуличъ впредь до моего распоряженія?—Этого я не помню,—отвѣчаю.—а я помню очень хорошо, что вы предложили не выпускать Засуличъ до полученія мною бумаги отъ суда, что я и исполнилъ.—Нѣтъ, это не такъ!.. Вы припомните хорошенько!.. конечно вы были въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что легко могли не дослышать или переслышать мои слова, но я-то очень хорошо помню, что предупреждалъ васъ не освобождать Засуличъ впредь до моего особаго распоряженія.

Дѣйствительно, я находился тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что окончившагося суда надъ Засуличъ, да и кто не былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ изъ присутствовавшихъ?!. Въ бытность свою управляющимъ домомъ предварительнаго заключенія, я не пропускалъ ни одного политическаго судебнаго процесса, слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, какъ-то: Спасовича, Лихвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и др., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ—защитникъ Засуличъ. Впервые тогда я слышалъ на судѣ взрывъ апплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнявшихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно впечатлѣніе было общее.

Бесѣда моя съ прокуроромъ Л. длилась не долго. Я рѣшительно отказался считать себя виновнымъ въ неисполненіи его распоря-

женія, и въ доказательство своей правоты приводилъ тотъ аргументъ, что если бы онъ имѣлъ въ виду сдѣлать распоряженіе относительно задержанія Засуличъ, то, вѣроятно, пригласилъ бы меня къ себѣ, ибо встрѣча со мной на лѣстницѣ, по которой онъ спускался, чтобы ѣхать съ докладомъ къ министру юстиціи, была дѣломъ случайнымъ. Л. стоялъ на своемъ, и на томъ мы разстались.

Проходятъ еще нѣсколько дней, и меня потребовалъ къ себѣ генералъ Козловъ, исправлявшій должность градоначальника, за болѣзнью генерала Трепова. По прибытію моемъ въ канцелярію градоначальника, генералъ Козловъ уводитъ меня въ отдѣльную комнату, сажаетъ подлѣ себя на диванъ и говоритъ: «Вы много терпѣли и выслушивали разныхъ непріятностей, выслушайте теперь послѣднюю, а затѣмъ надѣюсь, пойдетъ все къ лучшему. Дѣло въ томъ, что вы, по Высочайшему повелѣнію, за несвоевременное освобожденіе Засуличъ, должны отбыть семидневный арестъ на гауптвахтѣ; въ утѣшеніе же вамъ скажу, что вы теперь же представляетесь къ слѣдующему ордену, на лѣто увольняетесь въ отпускъ, съ выдачею вамъ пособія и приказа объ арестѣ вашемъ не будетъ отдано, а равно не будетъ онъ занесенъ и въ формуляръ вашъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, вы становитесь жертвою неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, хотя всѣ мы не сомнѣваемся въ вашей правотѣ. Кромѣ того, я попрошу васъ, когда вы выберете гауптвахту и получите отъ насъ бумагу, отправиться подъ арестъ какъ можно раньше и никому не говорить, гдѣ будете находиться.

Имѣйте въ виду, что дѣло это исправить ничѣмъ нельзя, и Высочайшая воля должна быть исполнена!» На слѣдующій же день я сталъ отбывать свое наказаніе, а по отбытіи его, подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія.

(„Русская Старина“ 1905 г. № 1).

9 мая изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ были изъяты дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ правительства, о неповиновеніи властямъ, объ оскорбленіи начальниковъ подчиненными, о насильственныхъ дѣйствіяхъ и угрозахъ противъ должностныхъ лицъ и т. д.

О значеніи процесса В. Засуличъ.

Треповъ въ своей секретной запискѣ *) сознается, что приказалъ высѣчь Боголюбова, который былъ весьма дерзокъ и упрямъ. Впрочемъ, прибавляетъ Треповъ, тѣлесное наказаніе нисколько не противорѣчило закону, такъ какъ приговоръ надъ Боголюбовымъ уже вошелъ въ законную силу, да кромѣ того Боголюбовъ былъ сыномъ дьячка, слѣдовательно, не былъ дворянскаго происхожденія. Въ тоже время Треповъ призналъ существованіе полицейскаго произвола: юстиція можетъ исполнять свои функціи лишь по стольку, по скольку это соотвѣтствуетъ желаніямъ и ожиданіямъ администраціи; въ противномъ случаѣ ея приговоры подлежатъ исправленію.

Провозглашенная съ такой торжественностью независимость, самостоятельность суда оказались фарсомъ, и когда, напримѣръ, послѣ исторіи съ Боголюбовымъ, потребовали уголовнаго преслѣдованія тюремной администраціи, то въ этомъ было отказано.

Засуличъ была предана суду присяжныхъ, такъ какъ графъ Паленъ лично поручился царю, что присяжные вынесутъ соотвѣтствующій приговоръ. Когда присяжные оправдали Засуличъ, ликованіе было всеобщее; говорятъ, что даже чиновники мини-

*) Записка Трепова напечатана въ „Deutsche Rundschau“ за 1882 г. №№ 2 и 3.

стерства юстиціи и другія вышепоставленныя лица апплодировали приговору *).

По приказанію предсѣдателя Засуличъ была освобождена, на ближайшей улицѣ ея карета была остановлена жандармами. Толпа не хотѣла отдать снова въ руки полицейскаго произвола ту, которая только что была оправдана судомъ. Послѣдовала всеобщая свалка, во время которой Засуличъ удалось скрыться, а потомъ пробраться въ Швейцарію.

Дворъ и высшая бюрократія были возмущены исходомъ процесса. Графъ Паленъ **) получилъ отставку, а Набоковъ занялся въ 1878 г. «очисткой» судебнаго вѣдомства.

Та страстность, обыкновенно свойственная лишь оппозиціонной прессѣ, съ какой Треповъ нападаетъ въ своей запискѣ на судей и прокуроровъ, какъ нельзя лучше доказываетъ, до какой степени долженъ онъ былъ раздражать судебное вѣдомство произвольнымъ полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣятельность юстиціи.

Совершенно другое впечатлѣніе произвелъ процессъ на обще-

---

*) О впечатлѣніи оправданія Засуличъ въ Россіи можно судить по статьямъ въ газетахъ и журналахъ того времени, о впечатлѣніи за границей *Кропоткинъ* въ своихъ „*Запискахъ революціонера*“ пишетъ: „Дѣло это произвело глубокое впечатлѣніе по всей Европѣ. Я былъ въ Парижѣ, когда получилось извѣстіе объ оправдательномъ приговорѣ. Мнѣ пришлось въ тотъ день зайти по дѣламъ въ нѣсколько редакцій. Всюду редакторы дышали энтузіазмомъ и писали энергичныя передовыя статьи, прославлявшія дѣвушку. Даже серіозная „Revue des Mondes“ въ годичномъ обзорѣ писала, что больше всего на общественное мнѣніе Европы въ 1878 г. произвели впечатлѣніе два лица: князь Горчаковъ во время Берлинскаго конгресса и Вѣра Засуличъ. Портреты ихъ были помѣщены во многихъ альмонахахъ и календаряхъ. Что же касается европейскихъ рабочихъ, то самоотверженность Вѣры Засуличъ произвела на нихъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе.

**) О роли гр. Палена въ дѣлѣ Засуличъ см. „*Начало*“, 78 г. № 2.

ственное мнѣніе. Всеобщая симпатія была на сторонѣ молодой дѣвушки. Ея судьба ясно показывала, до какого напряженнаго настроенія доводятъ молодежь произвольныя преслѣдованія; дѣятельность «нигилистовъ» начинается становиться понятной. Уваженіе къ нимъ возрасло, когда стало извѣстнымъ, что Засуличъ не преслѣдовала никакихъ личныхъ интересовъ, и ею не руководила личная месть; въ то же время она не дѣйствовала также и по порученію какой-либо партіи, а единственно по своей личной иниціативѣ выступила въ качествѣ мстительницы за актъ произвола, который въ противномъ случаѣ, при испорченности русскихъ порядковъ, остался бы безнаказаннымъ.

Выстрѣлъ совпалъ съ періодомъ, когда публика и безъ того была возбуждена и сильно раздражена противъ правительства. Онъ нашелъ такой громкій откликъ въ обществѣ и имѣлъ такой огромный успѣхъ потому, что въ немъ увидѣли протестъ человѣческаго достоинства противъ жестокостей и угнетенія.

Не В. Засуличъ стояла передъ судомъ въ качествѣ обвиняемой, говоритъ въ своей запискѣ Треповъ, а самъ онъ генералъ Треповъ.

Можно къ этому прибавить, что обвиненіе было направлено противъ Трепова не какъ частнаго лица, а какъ олицетвореніе принципа административнаго произвола, подъ которымъ стонала вся Россія. Въ этотъ-то принципъ и былъ направленъ выстрѣлъ, —такъ разсуждала пресса и общество. Этимъ объясняется ликованіе по поводу оправданія, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока Управленіе по дѣламъ печати не положило ему конецъ, запретивъ публично обсужденіе этого процесса.

А. Тунъ.

„Исторія револ. движ. въ Россіи“.

Степнякъ о Вѣрѣ Засуличъ.

Перелистывая великую книгу исторій, трудно и, быть можетъ, невозможно найти имя, которое достигло-бы съ такой быстротой извѣстности до такой степени широкой, неоспоримой, единодушной.

Совершенно неизвѣстное наканунѣ, это имя въ теченіе многихъ мѣсяцевъ было у всѣхъ на устахъ, воспламеняя великодушныя сердца обоихъ полушарій, и превратилось какъ-бы въ синонимъ героизма и самоотверженія.

Однако, дѣвушка, ставшая предметомъ такого энтузіазма, упорно скрывалась отъ своей славы. Она уклонялась отъ овацій, и хотя весьма скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что она находится за границей, гдѣ могла появляться открыто безъ всякой опасности,—она по прежнему оставалась въ толпѣ, не желая нарушить своего инкогнито.

Ея великій подвигъ вовсе ее не удовлетворилъ.

Александра Малиновская, женщина очень наблюдательная и умная, и большая пріятельница Засуличъ, видя ее въ припадкѣ черной хандры и недовольства всего черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея оправданія, говорила:

«Вѣрѣ хотѣлось-бы стрѣлять въ Треповыхъ каждый день, или по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. А такъ какъ этого нельзя, такъ вотъ она и мучится».

И Малиновская принималась доказывать Засуличъ, что нѣтъ возможности приносить себя на закланіе въ жертву каждое воскресенье, какъ нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ; что нужно помириться со своею участью и дѣлать то-же, что и всѣ.

Помню, однажды, разсказывая мнѣ о томъ, что она почувствовала, услыхавъ изъ устъ предсѣдателя суда о своемъ оправданіи,—она сказала, что то была не радость, а необыкновенное удивленіе, за которымъ тотчасъ-же послѣдовало чувство грусти.

— «Я не могла объяснить себѣ тогда этого чувства, — прибавила она,—но я поняла его потомъ. Если-бы я была осуждена, то по силѣ вещей не могла-бы ничего дѣлать и была-бы спокойна, потому что сознаніе, что я сдѣлала для дѣла все, что только могла, было-бы мнѣ удовлетвореніемъ. Но теперь, разъ я свободна, нужно снова искать, а найти такъ трудно.

Этотъ маленькій разговоръ, который врѣзался въ моей памяти, бросаетъ необыкновенно яркій свѣтъ на весь ея характеръ.

Характерная черта ея ума—оригинальность. Одаренная рѣдкой силой мысли, она обогатила ее серьезнымъ и разностороннимъ чтеніемъ во время долгихъ годовъ ссылки по разнымъ городамъ Россіи. Она обладаетъ столь рѣдкой особенностью всегда думать самостоятельно, какъ въ вещахъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, и органически неспособна идти по протореннымъ дорожкамъ только потому, что по нимъ идутъ другіе. Она провѣряетъ и подвергаетъ критикѣ все, не принимая ничего на вѣру. Вотъ почему она умѣетъ придать свою окраску даже избитымъ истинамъ, которыя обыкновенно признаются и повторяются всѣми по рутинѣ. Отъ этого то ея бесѣда пріобрѣтаетъ такую очаровательную свѣжесть и живость.

Оригинальность и независимость мысли, въ соединеніи съ совокупностью ея нравственнаго характера, производятъ другую, быть можетъ, драгоцѣннѣйшую особенность этой натуры. Я говорю о свойственномъ ей почти безошибочномъ нравственномъ инстинктѣ, о способности угадать въ вопросахъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ, что можно, чего нельзя, что хорошо, что дурно,— хотя иногда она сама не въ состояніи ясно мотивировать своего мнѣнія. Этотъ инстинктъ обнаружила она въ высокой степени, какъ своимъ поведеніемъ передъ судомъ, въ день своего достопамятнаго процесса,—такъ и во многихъ случаяхъ внутренней жизни партіи.

Каждый ея совѣтъ или мнѣніе, даже не мотивированные, всегда заслуживаютъ вниманія, потому что очень рѣдко бываютъ ошибочны.

Такимъ образомъ Засуличъ обладаетъ всѣмъ, чтобы сдѣлаться, если можно такъ выразиться, совѣстью кружка, организаціи, партіи. Но, великая по своему нравственному вліянію, Засуличъ не можетъ быть разсматриваема, какъ типъ вліянія политическаго. Она слишкомъ сосредоточена въ себѣ самой, чтобы вліять на другихъ. Тотъ, кто хочетъ получить отъ нея какой-нибудь совѣтъ, долженъ самъ пойти къ ней за нимъ. По собственной иниціативѣ она никогда не вмѣшивается въ чужую жизнь, чтобы передѣлать ее по своему, какъ старается дѣлать всякій организаторъ или агитаторъ. Она исполняетъ собственный долгъ, какъ-то предписываетъ ей ея совѣсть, не стараясь увлечь своимъ примѣромъ другихъ.

Самый ея идеализмъ, столь высокій и плодотворный, заставляющій ее всегда жаждать чего-нибудь великаго, мѣшаетъ ей посвятить себя всей душой повседневной работѣ, всегда мелкой и незначительной.

Это женщина великихъ рѣшеній и великихъ моментовъ.

С. Степнякъ.

„Подпольная Россія“.

Къ характеристикѣ личности Боголюбова-Емельянова.

Левъ Гартманъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Въ 1876 г. я былъ учителемъ земскаго училища въ Таганрогѣ, когда я познакомился съ только что пріѣхавшимъ туда Емельяновымъ, который впослѣдствіи участвовалъ въ процессѣ по дѣлу казанской демонстраціи и въ іюлѣ 1877 г. былъ наказанъ Треповымъ розгами въ домѣ Предварительнаго заключенія.

Съ нимъ къ намъ пріѣхалъ и Мощенковъ. Вскорѣ мы перебрались въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ стали жить на общей квартирѣ. Мы не замедлили завести знакомства въ городѣ, и вскорѣ трое мелкихъ торговцевъ, два доктора, молодой артиллерійскій офицеръ, стоявшій со своей командой близъ Азова, и нѣсколько учениковъ и ученицъ высшихъ классовъ гимназій и реальнаго училища вошли въ составъ нашего кружка самообразованія.

Емельяновъ привезъ съ собой много революціонныхъ заграничныхъ изданій и народныхъ книжекъ. Много книгъ было и у меня, и съ каждымъ вновь пріѣзжающимъ наша библіотека все росла и росла.

Пріѣзжихъ было не мало, но помню хорошо лишь Михаила Попова, Юрія Тищенко и Мозгового.

Всѣ они поселились у меня на квартирѣ, гдѣ также собирались и мѣстные члены кружка.

Въ чтеніи книгъ, спорахъ и въ объясненіяхъ неясныхъ пунктовъ время проходило незамѣтно; собирались почти ежедневно часа въ 4 по-полудни и расходились около 9 час. ночи. Нерѣдко на такихъ собраніяхъ присутствовало человѣкъ 15. Тѣ, которые обладали большимъ образованіемъ, помогали другимъ. Тонъ собраніямъ кружка давалъ Емельяновъ. Говорилъ онъ постоянно съ

чувствомъ, часто даже съ жаромъ; призывалъ учиться и готовиться идти въ народъ проповѣдывать идеи соціализма, возбуждать къ борьбѣ съ деспотизмомъ. Подобно рѣчамъ Емельянова электризирующимъ элементомъ служили также пѣсни о вольномъ казачествѣ и нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ, безъ которыхъ не обходилось ни одно собраніе.

Все это, необходимо, имѣло вліяніе не только на умственный складъ и развитіе слушателей, но измѣняло ихъ привычки и характеръ, давало новую оцѣнку удобствамъ и комфорту жизни.

Денегъ у насъ было достаточно, не мало получалось ихъ на имя Тищенко, да и я зарабатывалъ хорошо, но, за всѣмъ тѣмъ, потребности ремонта одежды не считались существенными, забывались даже. Было время, когда у шести человѣкъ, жившихъ на общей квартирѣ, было всего лишь двѣ пары сапогъ. Четверо сидѣло дома, дожидаясь двухъ въ сапогахъ, и двѣ пары были впору всѣмъ шести. Спали на полу, подложивши платье подъ голову, съ газетой вмѣсто тюфяка, ѣли черный хлѣбъ съ колбасой и чаемъ.

На меня былъ сдѣланъ доносъ,—намъ всѣмъ угрожала опасность. Мнѣ и многимъ другимъ приходилось бѣжать.

Это былъ, если не ошибаюсь, ранней весной 1877 г. Емельяновъ и Тищенко готовились въ путь—на Кавказъ, Мозговой—на Волгу, два «хохла»—Мощенковъ и Быковцевъ—условились съ однимъ либераломъ, землевладѣльцемъ близъ Ейска, Кубанской области, и шли къ нему на полевую работу. У каждой партіи и у Мозгового было заготовлено мужицкое платье; имѣлся также небольшой запасъ медицинскихъ средствъ, россійская формакопея и порядочное количество народныхъ книжекъ, какъ напримѣръ, „*Сказка о четырехъ братьяхъ*“ и др.

Первыми тронулись въ путь Емельяновъ и Тищенко, но черезъ недѣлю они вернулись. Ноги у нихъ всѣхъ были сбиты,

кожа содрана и они натерли себѣ мозоли, а Емельяновъ вдобавокъ схватилъ жестокій насморкъ и у него образовался мясистый наростъ на спинѣ между плечами въ три или четыре дюйма широты и вышины. Во все время операціи Емельяновъ стоялъ нагнувшись, чтобы облегчить работу доктора, курилъ и изрѣдка морщился, когда было особенно больно, но въ общемъ вынесъ легко, даже черезчуръ легко. Рахметовъ Чернышевскаго былъ его образцомъ, которому должны слѣдовать, какъ онъ говорилъ, всѣ пропагандисты-революціонеры.

Дней черезъ десять раны зажили, и Емельяновъ съ Тищенко вновь ушли. Это было въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Емельянова. Прощаясь со мной, онъ говорилъ мнѣ: «*Я увѣренъ, я еще услышу о тебѣ, Алхимикъ* (прозвище, которое онъ мнѣ далъ). *Не сомнѣваюсь, ты сдѣлаешь все, что въ твоихъ силахъ. Я сдѣлаю все, что въ моихъ*».

В. А. Бурцевъ въ примѣчаніи къ воспоминаніямъ Льва Гартмана говоритъ: «Емельяновъ судился подъ именемъ Боголюбова. Къ концу 1880 г. онъ сошелъ на каторгѣ съ ума и, если не ошибаюсь, до сихъ поръ находится въ Казанскомъ сумасшедшемъ домѣ».

«*Былое*» № 3, февраля 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редактора . . . . . 3.
До суда. . . . . 5.
Судебный процессъ. . . . . 12.

Послѣ суда:

Демонстрація 31 марта. . . . . 109.
Письмо В. Засуличъ . . . . . 111.
Воспоминанія начальника Д. Пр. З. . . . . 112.
О значеніи процесса В. Засуличъ . . . . . 117.

Приложеніе:

Степнякъ о Засуличъ. . . . . 120.
Къ характеристикѣ личности Боголюбова. . . . 123.